

М. А. АРАДЖИОНИ

ГРЕКИ КРЫМА: К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩИНЫ В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ – НОВОГО ВРЕМЕНИ

Практически вся «письменная» история Таврики–Крыма, насчитывающая более 26 веков, теснейшим образом связана с греками. Однако необходимо различать четыре группы греков, которые проживали на полуострове в различные периоды его истории. Они отличаются друг от друга особенностями формирования, а также своеобразием языка и культуры. Речь идет об античных греках (VI в. до н.э. – III в. н.э.), о средневековых крымских греках (III–XVIII вв., их потомков – более 70000 человек теперь называют «мариупольскими греками»), о греках Крыма, живших в последней четверти XVIII – первой половине XX вв., и о современной греческой общине, которая складывается на полуострове в наши дни (вторая половина XX – начало XXI вв.). Следует отметить, что это деление достаточно условно. Ведь часть «варваризированных» греков позднеантичного периода участвовала в этногенезе средневековых крымских христиан. Часть греков-старожилов, ушедших в 1778 г. на северные берега Азовского моря, вскоре вернулась на родину и обеспечила преемственность элементов культуры, сложившейся на полуострове в средние века, и их развитие в культуре «новых» греков – мигрантов из разных областей Османской империи. В свою очередь, потомки этих греков – носители греческой культуры, сложившейся в Крыму, на греческих островах, во Фракии, Малой Азии и в Анатолии, возвратившись из депортации, участвуют в формировании современной греческой общины. Таким образом, несмотря на неоднократные выселения, греческая община полуострова никогда не прекращала своего существования и активно возрождалась.

Любопытно, что внимание исследователей, в основном, привлекала история и культура греков Крыма периода античности и раннего средневековья. На этот счет существует довольно обширная библиография, чего нельзя сказать о периоде позднего средневековья и нового – новейшего времени

[подр. см.: 1, с. 5-20 и др.]. Причины этого – недостаток источников для изучения истории и культуры этого этноса в период XVI-XVIII вв. или же их неразработанность. Кроме этого, исследования греков, живших в Крыму в XIX-XX вв., в советское время не приветствовались, поскольку в 1944 г. представители этой этнической группы подверглись насильственному выселению.

В настоящей статье мы попытаемся обзорно представить некоторые особенности формирования греческих общин Крыма, условно названных нами «второй» и «третьей», хотя изначально оговоримся, что их история изобилует «белыми пятнами», и необходимы дополнительные исследования источников в зарубежных архивах, которые, как писал один из известнейших крымских краеведов А.Л. Бертъе-Делагард, смогут пролить свет на ряд «недоуменных вопросов средневековья в Тавриде».

Описывая историю греков, населявших Крым в античный период, можно достаточно точно обозначить дату их появления на полуострове, но на вопрос, когда заканчивается история этой общности, однозначно ответить нельзя. Со средневековыми греками все обстоит как раз наоборот: мы точно знаем дату, когда основная их масса покинула полуостров – 1778 г. И весьма условно определяем начало формирования этой группы в Крыму третьим веком нашей эры, поскольку некоторые ученые на основании многолетних, главным образом, археологических исследований отрицают прямую культурную преемственность между античными греками, жившими на полуострове, и греками средневековья [2, с. 211-222; 1, с. 40-47]. Особую трудность представляет и исследование самого процесса формирования этой группы, так как речь идет не о переселении сюда какой-то части греческого этноса извне – надежных источников на сей счет пока не обнаружено, а о возникновении на крымской земле новой этнической общности, которую археологи предпочитают называть «горнокрымская народность» или «крымские христиане» [3, с. 1-135; 4, с. 131-138; 5, с. 229].

Будучи подданными императора Восточно-Римской империи и христианами, потомки населения полуострова античного периода, крымские готы и аланы, декларируя свою политическую и религиозную идентичность, стали называть себя «ромеями», пока не вкладывая в этот термин этнического содержания. Ведь даже несколько веков спустя путешественник Гильом Рубрук (1253 г.) и византийский историк Пахимер (1310 г.) отмечали, например, что крымские готы еще сохраняли этническое самосознание и выделяли себя среди крымских христиан. В 1334 г. другой путешественник Марино Сануто Старший различал среди крымских ромеев «готов, алан и некоторые другие народы, идущие по стопам греков [в смысле религии]» [подр. см.: 6]. Вероятно, этот автор под «другими народами» имел ввиду тюрок, принявших христианство, поскольку тюркский этнический компонент постоянно присутствовал на полуострове: начиная с V в., в Таврику приходили гунны, хазары, булгары, печенеги, торки,

половцы, татары [7, с. 10-11]. В письменных источниках приводятся факты приобщения некоторых тюрок-язычников к христианской религии [8, с. 595-628]. И в этом нет ничего удивительного, ведь ислам в Крыму стал распространяться достаточно поздно: первые мечети датируются XIII в., и лишь в следующем столетии монголо-татары приняли ислам как государственную религию – фактически через 100 лет после первого их появления в Таврике [9, с. 1-39; 10, с. 506-533]. В то же время уже упомянутый Пахимер (1310 г.) писал, что процесс взаимопроникновения культур был обоюдным: многие христиане смешиваются с татарами, «научаются их обычаям, вместе с обычаями усваивают язык и одежду и делаются их союзниками (в войне)». И уже лишь в XV в. два автора – Иосафат Барбаро и Бертран де ла Брокьер отметили появление нового этнонима в многоплеменной среде крымских «ромеев» – «готаланы», который свидетельствовал о смешении этих двух общностей. Несмотря на это, еще в конце XVI в., по свидетельству барона Бусбека, в Крыму проживали этнические готы, и был жив еще готский язык [11, с. 170-187, 229-237, 242-268].

Важным фактором, способствовавшим объединению и сплочению крымских христиан, стало княжество Феодоро. Этнополитическая ситуация, сложившаяся в этом регионе в XIII-XV вв., чрезвычайно интересно отразилась в крымских легендах [12, с. 326-334 и др.]. Достаточно вспомнить греческую легенду о происхождении названия горы Демерджи, где образно показано противостояние местного земледельческого христианского населения и «чернобородых» кочевников; крымскотатарские легенды об Аю-Даге и о Золотой колыбели, повествующих об «аллаховых джиннах» и «иблисовых джиннах» – двух общностях, исповедовавших разные религии и живших по «ту и эту сторону» Крымских гор...

Османское завоевание 1475 г. вновь изменило политическую карту Крыма: исчезло княжество Феодоро, потеряли свои владения генуэзцы, Крымское ханство попало в вассальную зависимость. Бывшие феодоритские и генуэзские земли – территории, на которых в основном и проживало христианское население, стали частью Османской империи – Кефинским санджаком, а позже – вилайетом (эялетом), который просуществовал почти 300 лет. Всем немусульманским общинам на полуострове была предоставлена религиозная автономия. Православное население было объединено в единый «миллет» – замкнутую конфессиональную общность с собственным самоуправлением, судами, единым налоговым сбором [13, с. 118-132]. Это позволило еще более сплотиться крымскими христианами, которые спустя два века после османского завоевания практически утратили память о своих этнических предках.

Таким образом, в период раннего средневековья происходил процесс межэтнической интеграции, который привел к образованию у потомков позднеантичного населения, мигрантов из разных провинций Византийской империи, крещенных тюрок, готов и алан некоторых сходных черт культуры,

а также элементов общего самосознания, что отразилось в названии «ромей», декларировавшего в первую очередь их политическую и религиозную идентичность [14, с. 198-217]. Со временем это самоназвание стало наполняться, помимо религиозного, еще и этническим содержанием. После разделения христианства на православную и католическую церкви усилилось конфессиональное значение «ромей»: он стал синонимом «православный». «Ромей» воспринимался уже и как синоним «эллина», но не эллина-язычника, поклоняющегося олимпийским богам, а эллина, исповедующего православие [15, Σ. 577-598].

В течение последующих столетий, на наш взгляд, на территории полуострова происходил достаточно редкий процесс (специалисты его называют «этногенетическая миксация»), в ходе которого новый этнос образуется путем слияния народов, не связанных родством. Основными консолидирующими факторами, способствовавшими этому слиянию, были: общность религии («греческого православия»), греческого языка и культуры; общность территории и политического подданства, обусловленного возникновением на территории Крыма собственного государства – «гото-греческого» княжества Феодоро; а также необходимость сплочения перед внешней угрозой – кочевниками степей и генуэзцами.

Динамику численности христианского населения Крыма после османского завоевания можно пронаблюдать по двум переписям населения, проведенным в 1512-1520 и 1542/43 гг. Согласно этим документам, население города Кефе было достаточно пестрым: в начале века мусульманская община составляла 34%, армяне – 44%, греки – 15%, однако в селах санджака греческое население было преобладающим. Через 20 лет число греческих семей уменьшилось на 5%, а число мусульманских семей увеличилось на 15% [16, S. 221-238; 17, S. 135-170; 18, с. 283-290]. В другой части полуострова, в с. Кады-кой (Нихора) численность дворов христиан уменьшилась с 40 до 27. В то же время мусульманская община за этот же 20-летний период выросла с 16 семей и 4-х холостых до 80 семей и 16 холостых. В соседней Карани из 7 переписанных мусульман – жителей села два были новообращенцами (их называли «сыновья Абдаллаха») [19, с. 50-72]. Все это свидетельствует как о миграциях, происходивших в пределах Османской империи, так и о явлениях культурной ассимиляции, выражавшейся в смене религии и языка. Причем не всегда этот процесс был насильственным и сопровождался кровью. Чаще всего основными причинами смены языка и исламизации были осознанная необходимость, стремление адаптироваться в новых политических условиях, сужение сферы употребления родного языка, значительные материальные выгоды – налогообложение мусульман было гораздо меньше [19, с. 50-72].

Стоит отметить, что утрата родного языка (языковая ассимиляция) не влекла за собой потерю этнической идентичности, в то же время смена религии означала переход в другую конфессиональную общность, что в средне-

вековые было равнозначно смене также и этнической идентификации (этнической ассимиляции). Так, например, утратившие родной язык греки не переставали называть себя греками, хотя по-татарски самоназвание «румей» уже звучало как «урум». В то же время грек, владеющий языком своей национальности, но принявший ислам, становился прихожанином мечети и, соответственно, полноправным членом турецкой или крымскотатарской общины.

Вообще процессы языковой ассимиляции активно происходили на полуострове еще с «дофеодоритского» периода истории крымских христиан. С возникновением в Юго-Западном Крыму Бахчисарая, ставшего политическим и культурным центром Крымского ханства, влияние тюркского языка в этом регионе значительно возросло, и он постепенно вытеснил греческий язык как средство межэтнического общения на полуострове [20, с. 17]. После вхождения Южного Крыма в состав Османской империи постепенно начал увеличиваться приток мусульманского населения из Малой Азии, а с севера – крымских татар, которые селились вместе с греками, составляя этнически смешанные села [21, с. 141-174]. Вследствие сужения сферы употребления греческого языка христианское население Юго-Западного Крыма, а также греки-горожане от двуязычия (кроме греческого или готского языка крымские христиане также говорили и на тюркских диалектах) перешло полностью на крымскотатарский язык. Показателем этого явления можно считать исчезновение на рубеже XVI-XVII вв. надписей на греческом языке. Так, в д. Шуры последние надписи, сделанные на стенах церкви и надгробной плите (кстати, крайне безграмотные и небрежные), относятся к 1594 и 1622 гг.; в Бия-Сале – к 1588 г. [22, с. 64-69; подр. см.: 23, с. 70-86].

Представляет интерес и появление на карте Крыма смешанных топонимов, а также перевод греческих названий на татарский язык (Мега-Потам – Улу-Узень, Милар – Дегермен) или их замена (Нихора – Кады-кой, Фуна – Демерджи). Еще одним свидетельством является распространение у греков тюркских (но не теофорных мусульманских!) имен и прозвищ, например, в XVII в. в книге судейских решений Мангупского кадылыка фиксировались имена: Тимурка, сын Гавриила; Алагез, сын Константина; Арслан, сын Христодула (с. Богатырь); Никола, сын Арслана; Мамут, сын Константина (с. Ени-Сала), Тимур, сын Дмитрия; Александр, сын Шери; Аман, сын Мануила (с. Шуры) и др. [24, с. 14-15; 25, с. 529-531; 26, с. 32-45].

По всей видимости, в период Крымского ханства произошла языковая ассимиляция греков Юго-Западного Крыма, выразившаяся в утрате родного языка и переходе на тюркские диалекты. По-тюркски они стали произносить христианские молитвы, а их священники – вести службы и проповеди. В церковно-приходских школах детей начали учить писать греческими буквами слова разговорного тюркского языка, который для них уже стал родным. Например, текст

известной молитвы «Отче наш» в устах тюркоязычного грека звучал так: «Бизим бабамыз көклерде отуран, исмин азизленсин, падышахлыгын кельсин, көк йузунде эмрин не турлу исе, ве йер йузунде де бөйледже олсун. Кунделик өкме-гимизи бөгун bize вер. Бизим борчларымызы аф эйле, насыл биз де борчлу оланнарымызы аф этериз. Ве бизлери эзийет ичинде брахма, лякин бизлери йаман шейтандан сахлайып хутар». А вот фрагмент этого текста в записи: «Μηζήμ Παλαμήζ κιοκλєрдє oturán ísmην Αζιζλενσίν, Παδησσαχληγίν κελσίν, κοκ γυζυνдє емрín νε турлú ήσε...» [27]. Тюркоязычные греки Крыма не умели писать по-арабски слова языка, на котором стали говорить, поэтому для передачи информации использовали греческий алфавит. Причем, то же самое делали греки, подвергшиеся языковой ассимиляции и в других провинциях Османской империи – в далекой от Крыма Каппадокии и других регионах. До сих пор эти документы хранятся в государственных и частных архивах [28, с. 11-19].

Греки, утратившие свой язык и перешедшие на крымскотатарский (в конце XVIII в. они составляли больше половины от общего количества православных христиан), были «не одиноки» в Крыму и в масштабах всей Османской империи¹. Почти одновременно с греками языковой ассимиляции подверглись часть крымских армян, крымские цыгане, крымчаки и др. Не случайно фольклор всех этих народов, разных по этническому происхождению и конфессиональной принадлежности, обнаруживает столько общих черт и имеет прямые аналогии в крымскотатарском и турецком фольклоре. Поразительно, что до сих пор тюркский язык² живет в селах Северного Приазовья, сохранившись в том виде, в каком «вынесли» его из Крыма средневековые греки, на нем и сегодня поют песни, пишут великолепные стихи³.

Следует отметить, что тесным этническим контактам в Крыму способствовала также веротерпимость [31, с. 36-38]. Она приводила к многочисленным смешанным бракам, которые, несомненно, развивали интеграционные

---

¹ Подобной языковой ассимиляции подверглись и греки юго-восточных регионов Османской империи из окрестностей Гюмюш-хане (Аргируполя), Эрзерума, Бафры и др. Многие из них еще в XVIII–XIX вв. переселились на территорию современной Грузии и Армении. Они являются носителями анатолийского диалекта турецкого языка, довольно значительно отличающегося от языка греков-тюркофонов Крыма, при этом имеют ярко выраженное греческое этническое самосознание [подр. см.: 29; 30].

² Сами носители называют свой язык «урум-дили», т.е. «урумский язык», но в общении со славянским населением тюркоязычные греки именуют его «греко-татарский», т.е. «татарский, на котором говорят греки», в отличие от татарского языка, на котором в Донбассе говорит довольно многочисленная диаспора казанских татар. Так же этот язык в начале XX века стали называть и некоторые исследователи, что в дальнейшем породило определенную путаницу в терминологии и появление даже ряда теорий о «татарском этническом происхождении» тюркоязычных греков [подр. см.: 1, с. 40-47; 23, с. 70-86].

³ См., например, сборник В. Киора «Печальные письма» и др.

процессы в Крыму. Например, в уже упомянутых судебских книгах XVII в. приводятся такие факты: мусульманка Фатьма из с. Богатырь, дочь Гавриила, просила, чтобы из ее дома христиане вынесли крест, оставшийся после отца, и этот крест был перенесен в дом христианки Вении, дочери Мухаммеда, жены христианина Балабана. В другом случае, христианка Иниша усыновила татарского ребенка и оставила ему все свое имущество. Принадлежность членов одной семьи к разным конфессиям также не была исключением: в с. Ай-Георги христианин Бийгельди, сын Бийберди, судился с женой своего брата, мусульманкой Хангельди, дочерью Трандафила; из родных братьев Сеита, Магомета, Топа и Бебия первые два были мусульманами, а два вторые – христианами; Джантемир, сын Дмитрия был христианин, а сестра его Сайме – мусульманка; у мусульманина Мустафы жена Десфина и дочь их Феодора были христианками [25, с. 529-531]. Процессы этногенеза и межэтническая интеграция, происходившая в Крыму в XVI-XVIII вв., нашли свое отражение в комплексе традиционной одежды греков, планировке жилищ, национальной кухне и даже в некоторых особенностях духовной культуры – традиционном быте, обрядах семейного цикла, фольклоре⁴.

Таким образом, в формировании средневекового греческого этноса на первом этапе принимали участие потомки античных греков и эллинизированного «варварского» населения, аланы, готы, представители некоторых тюркоязычных племен, среди которых определенно выделяют только праболгар, половцев и малоазийских тюрок. Позже в их этногенезе участвовали также немногочисленные этнические турки, греки из Османской империи (переселенцы XV-XVIII вв. из Синопа, Трапезунда, Константинополя, островов Эгейского моря), славянское население. Почти полторы тысячи лет понадобилось крымским христианам, чтобы осознать свое единство и наполнить самоназвание «румей» не только конфессиональным, но и этническим содержанием. Интенсивные межэтнические контакты и сужение сферы употребления греческого языка в Юго-Западном Крыму и в городах Крыма привели часть крымских ромеев к утрате родного языка. Таким образом, «урумы» – это греки, подвергшиеся языковой ассимиляции, а не «крещенные татары», как пишут некоторые исследователи [34, с. 10, 14-15; 35, с. 5; 36; 37; 38, с. 77].

Некоторые ученые считают потомков крымских христиан особой этнической общностью, родиной которой является Крым. Здесь у греков сформировался своеобразный язык, уникальный комплекс материальной и духовной культуры, который имеет прямые аналогии в культурах других народов Крыма и

---

⁴ Так, мариупольские греки своим национальным кушаньем считают чебуреки, кубетэ, национальными танцами – хайтарму и ярым-аву, национальными инструментами – даул, зурну, кемендже [подр. см: 32, с. 184-193; 33, с. 145-191].

заметно отличается от других этнографических групп греческого этноса [32, с. 184-193]. Накануне своего переселения из Крыма греки проживали в более чем 80 населенных пунктах в горах и на Южном берегу, четверть из них была горожанами [39, с. 151-169; 40]. Большинство городского населения промышляло ремеслом, и лишь шестая часть греков занималась торговлей. Основными занятиями сельских жителей были отгонно-пастбищное скотоводство, земледелие (выращивали рожь, просо, пшеницу, ячмень, лен); на Южном берегу греки специализировались на садоводстве, виноградарстве, овощеводстве, рыболовстве. Ханская перепись недвижимого имущества, оставленного на полуострове при переселении в Приазовье, подтверждает относительное материальное благополучие основной массы крымских греков, а также свидетельствует о совместной хозяйственной деятельности представителей различных конфессий и даже священнослужителей [подр. см.: 32, с. 667-682; 41, с. 8-10].

Переселение греков и армян из Крымского ханства в пределы Азовской губернии можно назвать «вынужденной эмиграцией» (но не «депортацией»!), инициированной П. Румянцевым-Задунайским, который считал, что в силу политических и экономических реалий того времени оно будет очень выгодно для Российской империи. Среди причин переселения⁵, вдохновивших организаторов этой акции, выделяются следующие: 1) необходимость освоения южных земель, присоединенных к Российской империи по условиям Кючук-Кайнарджийского мира, 2) желание ослабить экономику Крыма и постепенно подготовить присоединение полуострова к России, 3) «спасение христиан от притеснений мусульман и возможной мести за помощь русским в прошедшей войне». Последнее обстоятельство должно было получить всемирный резонанс, в конечном итоге продемонстрировать верность постулату «Москва – Третий Рим» и способствовать осуществлению овечьего легендами «Греческого проекта» Екатерины Великой [42, с. 57-60].

16 июня 1778 г. представители крымских христиан подписали постановление о добровольном переселении в Россию. На принятие этого решения повлияли обещания выделить в пределах Российской империи на каждую ревизскую душу (т.е. на каждого члена семьи мужского пола) по 30 десятин земли, что значительно превышало размеры земельных владений самых богатых семей греков в Крыму. Распродав свое имущество, под надзором войск, которыми руководил А.В. Суворов, греки разными путями со скотом и самыми необходимыми вещами (на 2 семьи выделялась только одна арба) выходили из Крыма. В сентябре генералиссимус рапортовал, что 18395 греков, а с ними 12598 армян, валахи и грузины покинули полуостров [43, с. 678-714; 44]. К исходу 1779 г. переселенцы основали в устье р. Кальмиус г. Мариуполь (на

---

⁵ Историографию причин переселения см. подробнее в обзоре [1, с. 47-55].

месте г. Павловска) и 19 сел в его округе, которым дали крымские названия – Ялта, Карань, Ласпи, Мангуш, Сартана, Старый Крым и т.д. [45, с. 202-208].

На полуострове остались лишь несколько десятков семей в Кафе, Бахчисарае, а также в Керчи (16 греческих и 8 армянских), откуда христиане не переселялись вообще, поскольку по мирному договору 1774 г. крепости Керчь и Ени-Кале стали русскими территориями [46, с. 25-26; 47, с. 7; 48, с. 189]. В Мариуполе на 17 декабря 1781 г. было 613 дворов, в которых проживало «разного звания поселян» 2767 человек (1469 мужчин и 1298 женщин) и четыре священника. В 19 селах насчитывалось 2370 дворов, жителей обо-его пола 11035 (5833 мужчин, в т.ч. 31 священник, и 5202 женщин). Таким образом, из учтенного в 1781 г. греческого населения Мариуполя и окрестных сел (13806 чел.), горожане составляли 20,1%, хотя при выходе из Крыма их было около 25% (4500 чел. из 18395) [49, л. 73-89; 50, л. 26-29]. Известно, что не все переселенцы, которых «недосчитались» в Мариуполе, погибли во время тяжелого пути и холодной зимовки в Новоселице: часть купцов и ремесленников поселилась в Екатеринославе, Херсоне; небольшая группа греков из Кафы осталась в г. Черкасске; некоторые вернулись на полуостров [51, л. 1-2], и с течением времени, как мы покажем ниже, процесс репатриации усилился. Вернувшиеся на родину купцы, ремесленники, рыбаки стали ядром для формирования новой общины крымских греков и обеспечили преемственность традиций средневековой греческой культуры полуострова.

Манифест Екатерины II от 28 марта 1775 г. положил начало переселению в Российскую империю греков – военнослужащих «Греческого» или, как еще называли, «Албанского» войска⁶, прославившихся в боях под Чесмою, Наварином и в других сражениях. Это были выходцы из Пелопоннеса, Эпира, Македонии, Крита, различных островов Эгейского и Ионического морей, объединенные командиром Стефаном Мавромихали в «спартанские легионы». Прибывшие на российских кораблях греки и члены их семей (около 1500 человек) изначально были размещены в Керчи, Ени-Кале и Таганроге. Учитывая их богатый опыт ведения боевых действий в горах и на побережье, российское командование зимой 1776-1777 гг. направило это военное формирование для сражения с турецким десантом и восставшими мусульманами в горных районах полуострова. Следует отметить, что прибывшие в Крым греки-военнослужащие испытывали особую неприязнь к османам, поработившим их родину, поэтому они с особой жестокостью подавили выступления крымских татар и турок. Причем во время этих военных дей-

---

⁶ Иногда в документах и военнослужащих называли «албанцами», однако это не означало их этническую принадлежность. В описанный период этот этноним стал нарицательным и использовался как синоним военных наемников или волонтеров [подр. см.: 52, с. 85-92].

ствий пострадали и греки-старожилаы, населявшие горные села [53, с. 147-151; 54, с. 256-268; 55, с. 116-127; 56, с. 101-103]. Кровь, которая пролилась с обеих сторон, стала причиной недоверчивого, а порой и враждебного отношения нескольких поколений крымских татар к этой группе греков.

После присоединения Крыма к России (1783 г.) греков-военнослужащих перевели на поселение в Балаклаву и окрестные села Кады-кой, Камару, Карань, Алсу, Лаки, Шурю, Керменчик, Аутку, оставленные незадолго до этого (в 1778 г.) крымскими греками-старожилами. С тех пор их стали называть «балаклавскими греками» [57, с. 205-236]. Отставники «Греческого войска», в основном, поселились в Керчи–Еникале, где занимались рыболовством, садоводством, мелкой торговлей и ремеслом [58, л. 1-6]. Там был создан Воспорский магистрат, а после его ликвидации существовало особое сословие «керченские мещане-греки» [59, с. 30-33]. Балаклавский греческий пехотный батальон постоянно пополнялся. За более чем 80-летнюю историю в его ряды влились «мариупольские греки»; военнослужащие Одесского греческого батальона [подр. см.: 60, с. 1-48; 61, с. 77-117]; переселенцы из островов Закинфос, Кефалонья, Крит, Хиос и др.; бывшие греки-военнопленные и греки-дезертиры турецкой армии из разных областей Османской империи. В 1797 г. в батальоне состояло 396 человек (3 роты), была учреждена особая форма мундира зелено-красного цвета и вооружение. Члены их семей были причислены к категории «военных поселян» [62, л. 1-69; 57, с. 205-236].

В мирное время военнослужащие батальона несли пограничную службу, стояли в оцеплениях и карантинах во время эпидемий чумы и холеры. Отставники переходили в число «военных поселян» и занимались рыболовством, ремеслом, торговлей. Постепенно они расселились по всему Крыму – в городах и в пожалованных им от казны имениях. В период военных действий греки сражались в различных регионах Османской империи, защищали Новороссийск, Севастополь, Балаклаву, где во время Крымской войны дали последний бой, удивив противников-англичан своим мужеством и героизмом [63, с. 46-48]. В 1859 г. эта воинская часть была упразднена. Из среды греков, переселившихся в Крым в конце XVIII в., вышло множество знаменитых офицеров российской армии и флота: полковник М.А. Манто и его сын контр-адмирал И.М. Манто, контр-адмиралы М.Н. Кумани, И.С. Антипа, вице-адмиралы К.Ю. Патаниоти, К.С. Куртов, генерал-майор Ф.Д. Ревелиоти и многие другие. Подполковник Ликург Качиони (сын Ламброса Качониса – национального героя Греции, основателя знаменитой крымской Ливадии) много лет был командиром Балаклавского греческого батальона [64, с. 115-116, 169, 186, 188-190, 199-200, 217-218, 230-231].

Из документов, хранящихся в ГААРК, можно заключить, что репатриация греков, поселенных в Мариуполе и его окрестностях, наблюдалась уже в первые годы после переселения. Вначале это были единичные случаи возвращения в

Крым за оставленным имуществом. В 1784 г. правительство, чтобы регулировать процесс передачи собственности, было вынуждено издать указ «О возвращении во владение некоторым выбывшим из Крыма грекам и армянам домов, лавок и ханов» [65, л. 2-7]. Таким образом, к моменту присоединения Крыма к России в Кафе уже проживало 87 греков и 143 армянина, большая часть которых или не выселялась вообще, или стихийно возвратилась из Приазовья, причем они составляли 43% от всего населения города того периода (532 чел.) [66, л. 11, 64].

В 1782 г. в г. Мариуполе к купеческому сословию было приписано 243 человека, а к ремесленному – 2239. В 1795 г. купцов уже насчитывалось 125 человек, а ремесленников – 1488. В 1811 и 1816 гг. численность купцов снизилась соответственно до 10 и 11 человек (т.е. всего две семьи) [67, с. 132; 68, л. 1-2]. Большая часть купцов по уровню благосостояния была приписана к мещанам, многие самовольно переселялись в Крым. Более активному возвращению на полуостров именно купцов, а не земледельцев, способствовала также их относительная свобода передвижения: под предлогом проведения коммерческих операций в разных городах Российской и Османской империй они без особых сложностей получали специальные паспорта [51, л. 8 об.]. Некоторые греки из Мариуполя обосновались в Старом Крыму, Феодосии, Карасубазаре, Армянском базаре, Перекопе, Бахчисарае, о чем свидетельствуют документы городских ратуш и церковные приходские ведомости. Некоторые смогли устроиться в собственных домах, хотя зачастую их приходилось отстраивать заново, открыли лавки, мастерские [69, л. 2-20].

По V ревизии (1795 г.) в г. Мариуполе считались отсутствующими 1090 чел. (559 мужчин и 531 женщина). Из них со временем возвратились всего 30% – 326 человек. Городские магистраты Мариуполя и Нового Нахичевана, обеспокоенные таким оттоком населения, накануне VI ревизии объявили их розыск. Однако, крымская администрация, заинтересованная в увеличении населения полуострова, отказалась высылать нахичеванских армян и мариупольских греков к месту их приписки. Предлогом послужило то, что многие из них уже более 20 лет живут на полуострове и обзавелись хозяйством. Было решено: всех возвратившихся из Приазовья, кто окажется налицо в Таврической губернии на момент проведения переписи, вносить в ревизские сказки 1811 г., причисляя их к купцам и мещанам городов полуострова [70, л. 1-20]. Старожильческое христианское население и после 1811 г. активно возвращалось на полуостров. По сведениям 1815 г. в г. Карасубазаре считались иногородними 253 душ мужского пола: 43 были греками, из них двое – Бозаджи Спиро и Минаеджи Аким – приехали из Мариуполя уже после VI ревизии [71, л. 1-10].

В 1789-1792 гг. из приазовского с. Ялта в с. Аутка (ныне слилось с г. Ялта) по указу князя Потемкина были возвращены 96 греков-старожилов: артель ловцов устриц Федора Реиза. Целью этого переселения было возобновление

в Крыму промысла, угасшего с их уходом [72, л. 3-20]. Официально вернувшись в Крым греки лишились всех льгот, дарованных им при выходе в Приазовье Екатериной Второй. Они были причислены к категории «казенных крестьян», несмотря на то, что расквартированные там же балаклавские греки находились в более выгодном положении. Долгие разбирательства по поводу этого правового неравенства между греками одного села окончились лишь в 1818 г., когда ауткинские старожилы лично у Александра Первого добились разрешения пользоваться всеми правами и преимуществами военных поселян [62, л. 3-28].

В 1790 г. Екатеринославское наместничество пригласило мариупольских греков служить в Черноморский флот. Записались 51 житель из приазовской Ялты и Урзуфа. Годом позже Епископ Феодосийский и Мариупольский Феодосий просил Мариупольский суд отпустить к нему в Крым на службу десять семей греков. Все это послужило толчком к массовому переселению обратно в Крым, особенно из сел Чердакли и Малая Янисоль (Ени-Сала). Семьи, бросая жилые дома, тайком пытались вернуться на родину. Беглецы были объявлены в розыск – тех, кого нашли, под конвоем возвращали обратно [51, л. 12 об.-13 об.]. Чтобы остановить несанкционированную миграцию в Крым, в некоторые греческие села были введены войска [73, с. 28]. Есть сведения, что в этот период в села Камара и Карань все же вернулось несколько семей греков-земледельцев, однако из-за стихийности этого процесса неизвестна точная дата переселения и количество мигрантов. Вскоре они смешались с новыми переселенцами – расквартированными в этих же селах балаклавскими греками [74, с. 211].

Вообще же, в греческих селах Приазовья вплоть до 20-х гг. XIX в. происходили волнения населения, желавшего вернуться на родину. В 1805 г. (через 30 лет после выхода из Крыма!) сельская община приазовской Сартаны договорилась с владельцем крымской Сартаны генералом Дашковым о том, чтобы выкупить у него имение и всем селом вернуться на полуостров. Они обратились в правительство с просьбой разрешить им эту сделку, причем греки готовы были вернуть российской казне также деньги, затраченные на их переселение и обустройство. Ответ был отрицательным, причем весьма показательна его причина, которую мы вкратце приведем ниже: «Поелику прочих 20-ти греческих селений многие обыватели имеют равное желание к переходу в Таврическую губернию по одному только предрассудку, что там они и предки их жили, каковые мнения о переселении были у них и прежде, и неинако укрощались как только строгими от начальства мерами, ибо тогда при подобных волнениях, правительство в необходимости было для усмирения беспокойных высылать воинские отряды, и если ныне не будет сартанским воспрещено, то поводом оного потревожатся и прочие...» [75, л. 1-1 об., 3 об., 7-7 об., 12-20, 41-42 об.]. Сильные волнения по этому поводу, происходившие в 1804 г. среди жителей приазовских сел Малой Янисоли, Чердакли и Камары, описаны также в краеведческой литературе [76, с. 40].

Итак, в конце XVIII – начале XIX вв. на полуострове начала складываться новая община греков Крыма. «Исповедные росписи (...) прихожан греческих церквей», хранящиеся в ГААРК, позволяют нам представить географию расселения и численность этой этнической группы на полуострове после эмиграции и репатриации греков-старожилов и прибытия архипелажских греков [77, л. 1-82].

№	Населенный пункт	Домов	Мужчин	Женщин	Всего
1.	г. Балаклава	121	268	246	514
2.	с. Карань	30	65	63	128
3.	с. Кады-Кой	52	115	89	204
4.	г. Бахчисарай	100	227	171	398
5.	кр. Ени-Кале	84	192	171	363
6.	г. Карасубазар	103	192	197	389
7.	г. Керчь	60	193	152	345
8.	г. Севастополь	20	42	33	75
9.	с. Камара	23	66	55	121
10.	с. Алсу	21	58	35	93
11.	с. Керменчик	8	23	20	43
12.	с. Лаки	22	52	50	102
	Итого	644	1493	1282	2775

Согласно документу, в 1795 г. в Крыму в 12 населенных пунктах насчитывалось 2775 греков (644 двора), в том числе 21 человек – турецкоподданные, временно находившиеся на полуострове, и 17 детей, «выкрещенных из ногаев», которые воспитывались в христианских семьях как приемные дети. Если к этому числу прибавить греков из Аутки (27 семей), Симферополя (26 семей), Феодосии (28 семей), Евпатории (30 семей), Перекопа (17 семей) – 128 семей [78, л. 7-9, 16-17] (в общей сложности около 500-600 человек), то можно заключить, что в конце XVIII в. в Крыму постоянно проживало более 3200 греков. Если принять во внимание все количество христианского населения того периода (14000 человек) [79, с. 73-87], то окажется, что каждый четвертый православный крымчанин был греком.

Учитывая знание греками турецкого и татарского языков, опыт проживания в подобных крымским ландшафтно-климатических условиях, российская администрация активно привлекала их на государственную службу. Блестящую карьеру госслужащих сделали себе греки, носившие фамилии Апостолов, Газадинов, Граматиков, Гунали, Делазари, Делаграмматиков, Лампси, Лулудаки, Митакса, Мирьяли, Мазгана, Нотара, Панос, Папаставро, Папарупа, Тамара, Христофоров, Хартуляри, Хаджопуло, Цирули, Цомакион и др. Несколько поколений греков-офицеров из родов Бардаки,

Властари, Цириготи, Каламара, Кокораки, Лико, Лампси, Мавромихали, Мочениго, Попандопуло, Папалекси, Ревелиоти, Ставраки, Сотири, Тригони, Ханджоглу и др. служили в российской армии и на флоте [64; 80, л. 1-224].

На рубеже веков греки проживали во всех городах Крыма и составляли довольно многочисленные и финансово сильные общины [81, с. 102-106]. Адаптируясь на новом месте, вновь прибывшие переселенцы-греки вместе со старожилами, в первую очередь, заботились о восстановлении и строительстве церквей, а также об образовании своих детей. Уже в 1783-1795 гг. начали восстанавливаться Успенский и Георгиевский монастыри, были отремонтированы и открыты древние греческие церкви в Бахчисарае, Карасубазаре, Феодосии, Карани, Керчи, Ени-Кале, Камаре, Алсу, Лаках, Керменчике и Аутке. Вновь были построены храмы в Балаклаве, Симферополе, Армянском базаре, Севастополе, Евпатории [82, с. 28-43]. Изначально они так же, как и церкви «мариупольских греков», были подчинены Феодосийской духовной консистории. Из-за того, что ощущался острый недостаток в священнослужителях, знающих греческий язык, в духовный сан рукополагали избранных общиной поселян или приглашали из-за границы [83, с. 68-81]. При церквях некоторые священники старались обучать детей прихожан азам грамматики и арифметики. В 1811 г. в Феодосии уже было открыто уездное училище, в котором школьники обучались греческому и турецкому языкам, причем состав учащихся был чрезвычайно интернационален: греки, армяне, татары, русские, украинцы, поляки, итальянцы [84, л. 49-49 об.]. К этому же времени относится создание Карасубазарского греческого и Бахчисарайского приходского училищ, содержавшихся на пожертвования местных греков. 22 августа 1830 г. открылось уездное училище в г. Керчи, в котором по уставу преподавание «греческого языка обоих наречий» было обязательным [85, л. 1-1 об.].

В XIX в. в Крыму значительно выросло число мигрантов из двух османских провинций – Румелии и Анатолии. Из Румелии приезжали, в основном, греки, именовавшие себя по названию своей прежней родины – «фракийцы», «малоазийцы» и «константинопольцы». Из Анатолии – регионов Триполи, Бафры, Самсуна, Трапезунда, Батуми, Эрзерума и Карса – прибывали греки, которых традиционно называют «понтийцами». Эти две группы греков имеют общее самоназвание – «ромьос», но отличаются не только от греков материковой и островной Греции, но и друг от друга особенностями диалекта, материальной и духовной культуры, сформировавшейся у «фракийцев» на Балканах, а у «понтийцев» – под влиянием народов Малой Азии и Кавказа (турок, армян, лазов, грузин) [86, с. 95-100; 87, с. 6-24].

Первыми сельскими поселениями анатолийских греков в Крыму были Балто-Чокрак и Ивановка. Интересно, что изначально в Балто-Чокраке обособились отнюдь не земледельцы: правительство Крыма, обеспокоенное

отсутствием ремесленников, необходимых для возведения жилых и общественных построек в городах полуострова, пригласило артель греков-каменщиков. В 1806 г. прибыло около 15 семей, которые были поселены в бывшей татарской деревне [88, л. 1; 89, л. 1-71; 90, с. 65-67]. Обещанной работы они не получили, и ремесленники вынуждены были приспособляться к крестьянскому труду. Вскоре рядом с ними поселили болгарских колонистов-земледельцев, которые помогли грекам обустроиться.

В дальнейшем греки-пантийцы прибывали в Крым стихийно, в основном, в период военных конфликтов: в 1820-1830 гг., 1858-1862 гг. и особенно много в первые десятилетия XX в., когда в Османской империи начались репрессии в отношении армян и греков [91, с. 45-83; 92, с. 49-53]. Они значительно пополнили греческие общины городов, заселили села Аппак-Джанкой, Джантора, Кисек-Аратук, Шумхай, Бахчи-Эли, Скелю и др. Основным занятием сельских жителей было табаководство, садоводство, виноградарство, немногие занимались овцеводством и шелководством. Жители прибрежных сел и городов также специализировались на рыболовстве.

После третьей русско-турецкой войны начали массово переселяться болгары и греки, которые в истории получили название «задунайские переселенцы». Ими был основан ряд крупных сел в районе Одессы, Николаева и Херсона – Большой и Малый Буялык, Терновка и др. В 1802-1804 гг. семьи, которым не хватило земли при разделе отведенных угодий, и вновь прибывшие из региона Странджи греки и болгары (с. Граматиково) переселились в Крым, где они основали с. Кишлав [подр. см.: 93, с. 1-237]. В 1810 г. по специальному распоряжению Херсонского военного губернатора Дюка де Ришелье из разросшейся колонии Большой Буялык в Крым было переведено 59 семей колонистов. Их приняло и отвело земельные угодья армянское общество г. Старый Крым [94, л. 1-16]. В XIX – начале XX вв. греки проживали вместе с болгарами также в селах Джанлар, Антай и Карабай. Смешанное греко-болгарское население сел занималось, в основном, сельским хозяйством: огородничеством, садоводством, виноградарством [95, л. 26-31; 96, с. 63-67].

Массовое переселение греков и болгар из Румелии и Анатолии продолжилось в 1828-1832 гг. Пантийцы из районов Эрзерума, Карса, Трапезунда мигрировали на Кавказ, где в Триалетских горах (на Цалке) земледельцы основали более 30 сел [97, с. 421-432]. Однако купцы и ремесленники предпочитали переезжать в крымские порты, а также Одессу, восполнив общины этих городов, поредевшие из-за отъезда эллинов в обретшее независимость Греческое королевство [подр. см.: 98]. По инициативе графа Воронцова, румелийские греки переселялись, главным образом, в окрестности Одессы, Николаева и в Крым. В течение весны – лета 1830 г. в Севастополь, Евпаторию, Керчь и Феодосию на арендованных кораблях прибыли греки и болгары из Варны, Бургаса, Василико,

Корфо-Колиба, Ахиалло, Инеяды, Созополя, Агатуполи, Сливена. Среди переселенцев-греков основную массу составляли моряки, а также ремесленники – пекари, плотники, стекольщики, бондари и др., чуть меньше было земледельцев, садоводов и виноградарей, купцы составляли лишь десятую часть [99, л. 2-14].

После карантина румелийские переселенцы поселились в бывших татарских селениях близ Феодосии, часть греков осела, собственно, в городе, а также в Старом Крыму и Карасубазаре [100, л. 1-14]. Для развития садоводства, виноградарства и оживления рыбного промысла несколько десятков семей водворили в Ялте. После этого почти на 30 лет о переселенцах забыли. И лишь после Крымской войны власти вновь вспомнили о румелийских греках, которые все еще не были обустроены: арендовали землю у помещиков [95, л. 1-4, 26-31] и даже не приняли российское подданство. В 1871 г. греки-фракийцы, временно проживавшие в Карабае, Наймане и Шах-Мамае Феодосийского уезда, приняли присягу. Несколько лет спустя некоторые из них переселились в с. Карачоль (современное с. Чернополье), где и сегодня проживают их потомки [101, л. 1-3].

Греки-ремесленники и купцы, поселившиеся в активно растущих крымских городах, в немалой степени способствовали их развитию. Многие греки смогли подтвердить свое дворянское происхождение и уже к середине XIX в. в родословную книгу дворян Таврической губернии было внесено более сотни греческих фамилий [64; 80, л. 1-224].

Нормальное течение жизни на полуострове было прервано Крымской войной. В эту войну из 700 волонтеров был сформирован Греческий легион Императора Николая I. Под своим голубым флагом с надписью «Православие» они участвовали почти во всех крупных сражениях. После войны Греческий легион, как и Балаклавский греческий батальон, был расформирован, отставники поселились в Крыму и в окрестностях г. Мариуполя [63, с. 46-47; 102, л. 1-59; 103, л. 1-12].

В конце XIX – начале XX вв. в Крым продолжали мигрировать греки-ремесленники из Приазовья, греки из островной и северной Греции – особенно в период после Крымской, Македонской и Балканской войн (1856-1860; 1904-1913 гг.). Многие из них продолжали сохранять иностранное подданство. Несколько тысяч греков-беженцев, прибывших на полуостров из Османской империи, брали под защиту греческие консульства, которые в тот период находились в Севастополе, Феодосии, Керчи [104, с. 73-75]. В свою очередь, греки Крыма стремились оказывать поддержку своим соотечественникам за рубежом: они неоднократно организовывали сбор средств для жителей Крита, Фессалии и др. [105, л. 21-24; 106, с. 49].

В XIX – начале XX вв. греки проживали, в основном, в городах Крыма. Подавляющее их большинство было занято в сфере обслуживания: они содержали пекарни и кондитерские лавки, где торговали хлебными изделиями, бакалеей, табаком, спиртными напитками, небольшие кофейни и трактиры,

гостиницы, парикмахерские, художественные мастерские, церковные лавки [107, л. 27, 111; 108, л. 17 об., 25 об.-29, 35 об., 48 об., 51 об., 55 об., 60 об., 63 об., 70 об., 76 об., 79-83 об., 93 об., 99 об., 109 об. и др.]. Зачастую греческие фамилии встречаются в списках мастеров ювелирного, столярного, сапожного, портняжного, кузнечного, красильного, медно-жестяного и строительного цехов [109, л. 1-3; 110, л. 1-26; 111, л. 108; 112, л.1-4; 113, л. 1-5; 114, л. 1-11; 115, л. 1-10; 116, л. 1-6]. До сих пор в городах Крыма сохранились прекрасные образцы каменного зодчества, созданные руками греков-каменотесов в Феодосии, Керчи, Ялте, Бахчисарае. Существовали целые ремесленные династии. Примечательно, что вещи, сделанные руками греков, бытовали также в крымскотатарских, караимских, армянских семьях. Многие из предметов, изготовленные в мастерской медника Яниди, которая функционировала в Карасубазаре с 1880-х по 1940-е гг., пережили вместе со своими хозяевами депортацию и вернулись в Крым. Сегодня их можно увидеть почти во всех музеях полуострова [117, с. 29].

Традиционно греки в Крыму занимались мореплаванием и рыболовством. В Евпатории район компактного проживания греков – «Пересыпь» – называли «рыбачьей слободкой». Особенно рыболовство было развито в Керчи, Балаклаве, Ялте, Феодосии. Занимались им, в основном, «архипелажские» греки и крымские греки-старожилы. Как писал современник, в Керчи рыбной ловлей «добывали себе пропитание» двести греческих семей и еще шестистам работникам, в основном, русским и татарам, давали работу [118]. Многие греки имели собственные лодки, баркасы и небольшие суда для выхода в море. Некоторые греки-купцы в Ялте и Керчи имели собственные коптильни и содержали рыбные магазины⁷.

В 1890 г. только в г. Симферополе в списки купцов 2-й гильдии были внесены более десяти греков – Федор Ляски, Спиридон Дракопуло, Павел Такопуло, Леонид Дракопуло и др. Многие греки, переселившиеся в Крым во второй половине XIX в., на своей прежней родине (в основном, в провинции Пафра и в районе Трапезунда) занимались табаководством. В Феодосийском, Ялтинском и Симферопольском уездах они начали выращивать табак, который затем перерабатывался на фабриках Стамболи в г. Феодосии и Месаксуди – в г. Керчи и продавался в маленьких бакалейных, табачных лавках и трактирах, которые также содержали, в основном, греки [119, л. 11-15; 120, с. 176-190; 121, с. 109-133].

Довольно много греков-чиновников и предпринимателей имели земельные наделы – «дачи» на Южном берегу Крыма. Среди них были и крупные землевладельцы: Грамматиков (более 14 000 десятин), Лампси (более 2000 десятин), Кондараки (более 1029 десятин) и др. [92, с. 50].

---

⁷ Особенно ярко будни греков-рыбаков описал в своих произведениях известный русский писатель А. Куприн, некоторое время живший среди «балаклавских греков».

На своей прежней родине греки с особенным почтением относились к культурам св. Георгия, Богородицы, св. Пантелеймона и покровителя моряков св. Николая, поэтому в Крыму переселенцы строили церкви, освященные в честь этих святых. В 1890 г. в Севастополе на средства почетного гражданина города В. Феолого построили Трехсвятскую церковь, а в 1870 г. евпаторийский грек Ф. Вутеро спонсировал постройку кладбищенской церкви св. мц. Пелагеи. Девять лет спустя греки Старого Крыма возвели часовню вмч. Георгия, затем при финансовом участии А.С. Маринаки появилась кладбищенская церковь вмч. Афанасия в Керчи. На полуострове возникли династии греков-священнослужителей – Феофори, Спиридоновы и др. В 1856-1900-х гг. в местах компактного проживания были открыты греческие церковно-приходские школы и училища [82, с. 50-55].

Греки активно участвовали в общественной жизни Крыма. Они были членами городских и земских управ, например, с 1871 по 1911 гг. из 304 гласных Симферопольской городской Думы 28 были греками. Они являлись городскими головами (М.И. Кази, З.К. Афендулов и др.), уездными предводителями дворянства (Е.И. Нотара, Г.Н. Делаграмматиков, М.Х. Лампси и др.), градоначальниками и командирами портов, капитанами и лоцманами. На средства греков строились не только церкви, но и школы, они были попечителями учебных заведений, приютов, богаделен, учредителями стипендий. Из среды греков вышло много известных учителей (Хамарито А.К., Канаки М.Д., Каламара А.А. и др.), врачей (Лазарис Е.Б., Торопьяно К.В., Цанов А.И. и др.). Х.А. Монастырлы был одним из основателей Таврической ученой архивной комиссии, другие стали ее членами (Д.Д. Посполитаки, Д.С. Спиридонов и др.). Н.Н. Кондури возглавлял редакцию газеты «Евпаторийский Вестник», а Х. Лампси издавал «Курьер Тавриды». Крым прославили работы греков-художников: А.И. Куинджи, М.П. Латри, Н.П. Химона, Г.Х. Бояджиева и др. Для помощи соотечественникам в начале XX в. в Ялте, Феодосии и Севастополе возникли греческие благотворительные общества [64, с. 48-53 и др.; материалы полевых исследований автора в 2001-2003 гг. (проект Одесского филиала Греческого Фонда культуры)].

Таким образом, если на рубеже XVIII-XIX вв. в Крым, в основном, приезжали военнослужащие, купцы и ремесленники, то во второй половине XIX – начале XX вв. сюда переселилось много греков-земледельцев. Они приезжали иногда не только семьями и родами, но и целыми селами [95, л. 13-18; 119, л. 76-80]. Первая перепись населения Российской империи показала, что в 1897 г. в Крыму проживало 17114 греков (3,1% от всего населения полуострова). Более чем за 100 лет греческой общине Крыма так и не удалось восстановить былую численность (напомним, в Приазовье было выселено более 18000). Однако через 20 лет, за счет внутренней миграции во время Первой мировой и гражданской войн и притока беженцев из Османской империи, здесь насчитывалось уже, по некоторым оценкам, около 25000-30000 греков, проживавших в

более чем 90 населенных пунктах [122; 123; 124, с. 143-204, 277-365; материалы полевых исследований автора в 2001-2003 гг. (проект Одесского филиала Греческого Фонда культуры)].

Ареал расселения греков претерпел значительные изменения. По-прежнему греки проживали во всех городах полуострова и особенно в крымских портах. Однако если старожилы выходили в Приазовье, в основном, из Бахчисарая, Кафы (Феодосии) и Карасубазара (соответственно 1361, 1167, 1019 человек), то в начале XX в. греки составили крупные общины в Ялте, Феодосии, Севастополе и Симферополе (более 2000 человек в каждом). Соответственно, доля городского населения в среде крымских греков увеличилась с 25% до 57%. Если провести сравнение с соседними губерниями, то окажется, что в Екатеринославской соотношение греков-горожан и сельских жителей было 3,7% и 96,3% (за счет «мариупольских греков»), а в Херсонской – 66,7% (за счет Одесской греческой общины) и 33,3%. В целом же по Новороссии 76,5% греков проживало в сельской местности и 23,5% – в городах [125, с. 23].

Большинство имений, которые греки получили от казны в конце XVIII – начале XIX вв. на Южном берегу Крыма (бывшие владения греков-старожилов), через сто лет перешло в руки других собственников – членов императорской семьи и приближенных к ним дворян (например, Ливадия, Верхняя и Нижняя Ореанда, Алупка, Симеиз, Мухолатка и др.) [64, с. 169, 229-230]. Греки-селяне, вернувшиеся из Приазовья, и переселенцы конца XVIII – начала XIX вв. были расселены в бывших христианских селах в Юго-Западном Крыму, некоторые основали новые населенные пункты. Иммигранты XIX – начала XX вв. поселились дисперсно, в основном, в окрестностях Феодосии, Старого Крыма, Симферополя. Зачастую они оседали в селах, оставленных крымскими татарами в период массовой эмиграции в Османскую империю. В этих селах греки соседствовали, в основном, с болгарями, крымскими татарами, славянами.

Компактные поселения греков-пантийцев появились в селах Пайляры, Бахчи-Эли, Кисек-Аратук, Шумхай и др., вдоль дороги Симферополь – Ялта, построенной в 1836 г. Довольно большая община проживала в с. Скеля в Байдарской долине, в Аппак-Джанкое, Джанторе, Шейх-Мамае, Армутлуке в Восточном Крыму, пантийцы же стали преобладать и среди населения старинного греческого села Аутка. Греки-фракийцы, в основном, облюбовали местность вдоль трассы Симферополь – Феодосия (с. Карачоль, Карабай и др.). Греки-старожилы и «балаклавские греки» преобладали только в селах Лаки, Камара, Карань, Керменчик, но большая их часть все же проживала в городах [Материалы полевых исследований автора в 2001-2003 гг. (проект Одесского филиала Греческого Фонда культуры)]. Несмотря на численное преобладание других территориальных групп греческого этноса, старожилы оказывали довольно заметное культурное воздействие на греков-мигрантов

конца XVIII – XIX вв. Яркие примеры этого приведены в работах В.Х. Кондраки и С.И. Маркова [126, с. 91-93; 76, с. 410-411].

Следует отметить, что в начале XX в. греки были уже достаточно хорошо интегрированы в крымское сообщество, в их среде активизировались процессы языковой и культурной ассимиляции, затронувшие в первую очередь городское население – греков-дворян, купцов и ремесленников. Это выражалось в смене традиционного костюма, уклада жизни, русификации имен и фамилий, изменении некоторых элементов семейной обрядности. И лишь недавние переселенцы еще переживали сложный период адаптации и предпочитали жить замкнутыми общинами.

Революционные события греки приняли довольно горячо, тем более что один из балаклавских греков – известный народоволец М.Н. Тригопи – считался в Российской империи одним из первых борцов за свободу. Политизация населения страны и общий рост гражданской активности заставили греков летом 1917 г. собраться в Таганроге на свой первый Всероссийский съезд. Среди 40 делегатов были и крымчане: П. Апостолидис, Х. Кутридис, А. Карасаввас, А. Вайанидис и др. На съезде обсуждались политическая ситуация, проблема объединения греков в клубы и общества для защиты своих прав и интересов, земельный и церковный вопросы, образовательная политика и др. [127, с. 26-29].

В 1917-1920 гг. многие греки выказывали сочувствие левым силам, некоторые из них стали «красными партизанами». В партию большевиков вступили О. Алексакис, Г. Хрони и др. В то же время многие крымские татары сочувствовали правым, что создало почву для конфликта. В 1918-1919 гг. это привело к вооруженным столкновениям греков и татар в Ялте и Горном Крыму. Сложившуюся политическую ситуацию усугубляли настроения греков-беженцев из Османской империи, жаждавших отомстить мусульманам за кровь близких, а также негатив по отношению к грекам, который остался в исторической памяти крымских татар после подавления восстания в 1777 г. Обе стороны понесли много жертв, были разграблены и сожжены несколько сел, часть населения вынужденно переселилась в города [128, с. 54-58, 108].

С войсками Антанты 10 марта 1919 г. в Севастополь на русском корабле «Петр Великий» прибыли греки-военнослужащие, которые принимали активное участие в борьбе против большевиков. В Севастопольском порту на рейде стояли также греческие суда «Трапезунд» и «Килкис». Многие солдаты и офицеры были удостоены наград за мужество и героизм, проявленные в боях с Красной армией под Севастополем и Перекопом. Некоторые погибли и были похоронены на братских кладбищах в Севастополе и Бахчисарае. Есть свидетельства о том, что греки-военнослужащие пытались оказывать поддержку своим соотечественникам в Крыму, организовать эвакуацию [128, с. 58; 129, Σ. 73-77].

16 ноября 1920 г. в Крыму закончились военные действия. Власть была

сосредоточена в руках Крымревкома. Начался красный террор. Не обошел он и греков. Ситуация осложнялась еще и тем, что среди наличного греческого населения Крыма было много беженцев из Османской империи и греческоподданных, большинство из которых либо вообще не имели на руках документов, либо не были зарегистрированы в греческих консульствах. Консулы, как могли, пытались облегчить участь своих соплеменников. Они организовали регистрацию иностранноподданных, оказывали защиту и правовую помощь. Большое число греков с загранпаспортами проживало в окрестностях Феодосии, Старого Крыма, Ялты. В последней, например, только за декабрь 1920 г. в Бюро регистрации обратилось 698 греческоподданных [130, л. 4]. Советская власть предложила всем иностранцам выехать на родину, причем за счет государства. Многие греки – подданные Османской империи – отказались возвращаться на родину. Воспользовавшись присутствием греческих консулов, многие из них приняли греческое подданство, некоторые принимали советское. В этот период наблюдался некоторый отток населения в Грецию, однако он был еще незначительным: жизнь в стране, которая уже около 15 лет воевала и приняла около миллиона греков-беженцев, была очень тяжелой, к тому же, греки еще верили в то, что декларировала Советская власть [131, л. 1-1 об., 7; 132, л. 35; 133, л. 11-14, 103-119, 140-147; 134, л. 12-14, 63, 65, 100-103, 138-139; 135, л. 60-63; 191-253 и др.]. Вскоре все консульства и консульские пункты на полуострове были закрыты.

После установления Советской власти и продразверстки в Крыму начался голод. Вновь образованные сельские советы в греческих селах Лаки, Аутке и др. борьбу с ним считали своей главной задачей. Были открыты пункты помощи голодающим, однако многие греки-беженцы и сельские жители не пережили тяжелую зиму 1921 г. [136, л. 1-1 об., 7; 137, л. 2, 10-12, 15, 16]. Официальная эвакуация иностранноподданных из Крыма началась ранней весной 1921 г. Предполагалось ее значительно активизировать и к маю 1922 г. переселить около 10000 греков, однако эти планы так и не были реализованы [138, с. 60-61; 139, л. 91-92, 100-102, 131-133, 153 и др.].

В апреле 1921 г. при обкоме была создана Коллегия национальных меньшинств, при которой существовали национальные секции, в том числе и греческая секция с филиалами на местах. В ее компетенцию входил учет лиц греческой национальности, проведение выборов, созыв съездов, просветительская и культурно-массовая работа [140, с. 57-59]. Так, например, Севастопольская секция создала греческую трудовую общину, кооператив производителей потребителей. В ее составе были также три комиссии: школьная, клубная и благотворительно-хозяйственная. Среди деятелей, возглавлявших работу греческих секций в центре и на местах – в Керчи, Алуште, Ялте, Севастополе, Симферополе и др. – были Фотиади, Мудесиди, Кирьяки-

ди, Ксантопуло, Пайсиди, Хаджифоти, Икономиди, Лазариди, Параскева и др. [141, л. 1-30; 137, л. 2, 10-12, 15, 16; 142, л. 6; 143, л. 5].

В Конституции Крымской АССР 1921 г. провозглашался свободный, равный и тесный союз национальных меньшинств. Однако, на практике все было далеко не так. Уже через два года, на XII съезде РКП(б) была провозглашена политика «коренизации», которая призвана была обеспечить развитие национальных общин и их языков, в частности широкого использования советским государственным аппаратом национальных языков в делопроизводстве, в средствах массовой информации, в образовательных учреждениях. Рекомендовалось выдвигать на руководящие посты представителей нацменьшинств. В Крыму эта политика проводилась в отношении всех национальных меньшинств, но, безусловно, акцент делался преимущественно на крымских татар [144, с. 10].

Политика «коренизации» греками воспринималась довольно настороженно. К тому же, начала осложняться ситуация с правами верующих. Для греков это было особенно болезненно, учитывая то большое значение, которое традиционно занимает церковь в жизни каждой греческой общины. Была сделана попытка активизировать работу греческих религиозных обществ. 16-17 июня 1925 г. в Симферополе прошел их съезд, на котором был выбран Благочинный совет крымских греческих религиозных товариществ [145, с. 378; 144, с. 24-25]. Однако, ситуация лучше не стала и продолжала ухудшаться с каждым годом. Иностранно-подданным запретили заниматься религиозной деятельностью в любом виде [146, с. 1-75]. 24-25 октября 1926 г. была организована Первая Всекрымская греческая конференция, в дальнейшем такие конференции проходили на региональном уровне в Старо-Крымском, Балаклавском, Симферопольском, Ялтинском районах. Однако, былой революционный пыл эллинов Крыма остыл настолько, что в документах стала появляться информация о чрезвычайной пассивности основной массы греческого населения. Новая власть в Крыму в очередной раз предложила грекам-иностранноподданным выехать на родину, и многие воспользовались этой возможностью [147, л. 1-150; 148, л. 28-37].

В 1926 г. греков в Крыму уже насчитывалось 20536 (2,8% от всего населения), иностранноподданных всего было 7066 человек, из них 4068 – греческоподданных. Доля городского населения несколько уменьшилась и составляла около 45%. Оно распределялось следующим образом: Ялта – 1783 человека, Керчь – 1202, Севастополь – 1198, Симферополь – 1198, Феодосия – 916, Старый Крым – 900, Евпатория – 716, Балаклава – 480, Карасубазар – 426, Алушта – 249, Бахчисарай – 156, Джанкой – 82, другие поселки – 179 человек. Греческое сельское население по переписи значилось в 1972 дворах, в основном, в Феодосийском (577), Симферопольском (399), Карасубазарском (295), Бахчисарайском (181) и Ялтинском (108) районах. Всего было землеустроено 16 греческих селений на площади 44978 га. Были созданы 5

национальных греческих сельских советов. 118 греков-выдвиженцев работали в районных аппаратах власти [149, л. 42-44, 46, 52, 57]. Греки-ремесленники работали как кустари-одиночки или были организованы в небольшие артели. Всего в кустарно-ремесленной промышленности Крыма было занято 863 человека (4,5% от общего количества), причем из них 108 – женщины. Накануне празднования 10-й годовщины революции 86 греков были избраны депутатами городских советов и 89 – сельских. В 1930-х гг. в государственных учреждениях Крыма в общей сложности работали 184 грека [150, л. 4-7; 138, с. 65].

В местах компактного проживания греков открывались начальные школы, где преподавание велось на национальном языке, «греческие клубы», а при них кружки, театры, пионерские отряды и комсомольские организации. Катастрофически не хватало учителей, учебников, помещений для школ, письменных принадлежностей, однако прогресс был налицо: в 1927-1928 гг. в Крыму работало 23 греческих начальных школы, в которых обучались 1293 ребенка, открыты 5 изб-читален, 6 греческих клубов. В Ялте, Керчи, Севастополе, Карасубазаре были созданы греческие драмкружки. В дальнейшем в местах компактного проживания греков были открыты и школы-семилетки [149, л. 9-24, 40-41, 49, 54; 151, л. 4-5, 25-31; 152, л. 5-7; 153, л. 1-8]. Перед учителями встал вопрос о языке преподавания в национальной школе, так как греки, проживавшие в Крыму, говорили на понтийском, фракийском, румейском и урумском языках. Эти же проблемы вынуждены были решать и другие греческие общины на юге Украины, на Кубани, в Закавказье.

В связи с организацией национальных школ в Мариупольском и Сталинском округах, где компактно проживали потомки крымских греков, остро встал вопрос об их родном языке. В отношении урумов он был решен однозначно: правительственная комиссия рекомендовала ввести преподавание в школах греков-тюркофонов на крымскотатарском языке [154, л. 33]. Основанием для этого было мнение некоторых партийных функционеров и краеведов, считавших, что язык мариупольских греков-тюркофонов на 90% является крымскотатарским. Никаких серьезных лингвистических исследований на этот счет не проводилось. Из Крымской АССР были вызваны специалисты по крымскотатарскому языку, откуда же были заказаны учебники, и в 1926-1929 гг. в Мариуполе были организованы летние курсы для подготовки учителей. Уже в 1928-1929 учебном году в урумских селах работало 45 преподавателей, обучалось 2605 детей и насчитывалось в общей сложности 12 начальных и четыре семилетних «греко-татарских школ», т.е. школ, где обучали греков, говоривших на татарском языке. Дети, окончившие семилетки, направлялись для дальнейшего получения образования в учебные заведения Крыма [155, л. 2; 156, л. 8, 23; 157, л. 12-13].

Подчеркнем, что в термин «греко-татары» никогда не вкладывалось этническое содержание, т.е. «крещеными татарами» или «православными татарами» приазовских греков-тюркофонов не считал никто, даже партийные функ-

ционеры, которые ввели этот термин в официальные документы и активное обращение. При переписи населения национальность определялась не по этническому самосознанию, а по языковой принадлежности, поэтому власти вынуждены были официально выделить греков-тюркофонов в особую группу «греко-татары», и с этим «клеймом» в паспортах часть приазовских греков прожила вплоть до начала войны [158, с. 68-71]. Парадоксальность сложившейся ситуации понимали все, и уже в конце 1930-х гг. термин «греко-татары» вышел из официального употребления и был исключен из списка национальностей и народностей в переписи населения, а также из паспортов мариупольских греков.

Проблема определения родного языка румеев стояла не менее остро: новогреческий язык греки диаспоры почти не понимали, их говоры были бесписьменны и практически неисследованы. С тем, чтобы выяснить, на каком языке говорят «греки-эллины» («греки, говорящие на греческом языке» – этот термин использовался в альтернативу термину «греко-татары», чтобы показать существующее языковое различие), на государственном уровне были организованы несколько фольклорно-диалектологических экспедиций. В них принимали участие и крымские исследователи, например, грек Д.С. Спиридонов – директор Центрмузея Тавриды [159, с. 171-181; 160, с. 49-67]. Поскольку в результате исследований выяснилось, что греческий язык населения Приазовья не однороден и в значительной степени отличается от кафаревусы – литературного новогреческого языка, было принято решение ввести преподавание в школах разговорного новогреческого («димотики») с элементами диалектного языка местных греков. Печатная же продукция, издававшаяся в Приазовье, в основном, была сориентирована на сартанский диалект «крымскорумейского языка», как исследователи называли язык мариупольских греков-эллинофонов. Учителей (до 60 человек ежегодно) для этих школ готовили на специальных летних курсах, а затем и в Мариупольском педагогическом техникуме. В дальнейшем он был реорганизован в Греческий педтехникум с двумя отделениями – греко-эллинским (60 учащихся) и греко-татарским (30 чел.). Обучение велось учителями из Греции и местными педагогами [157, л. 12; 161, с. 533-587; 162].

После совещания по вопросам просвещения и культурного строительства среди греков СССР, прошедшего 10-13 мая 1926 г. в Ростове-на-Дону, крымчане также стали ориентироваться на изучение димотики – новогреческого языка, 20 учителей греческого языка были отправлены на переподготовку в Анапу. 10 греков учились на рабфаке, 10 – в Феодосийском педтехникуме и др. Учебные пособия и прессу поначалу выписывали из-за границы [149, л. 9-24, 40-41, 49, 54; 151, л. 4-5, 25-31; 152, л. 5-7; 153, л. 1-8; 163, с. 11-24; 164, с. 69-70]. Однако, власти стремились свести к минимуму общение греков с зарубежными соотечественниками. Греки Крыма читали газеты «Коммунистис», «Коллективистис», «Коккинос капнас», «Неос Махитис»

и др., издававшиеся в Мариуполе, Ростове-на-Дону, Краснодаре, Москве, и др.

В 1930 г. в Симферопольском р-не были созданы греческие колхозы «Эврика» (с. Кисек-Аратук – совр. Клиновка), «Неос Дромос» (с. Тотайкой – совр. Ферсманово), «Эмброс» (с. Пайляры – совр. с. Краснолесье). В Старокрымском районе, где греки составляли 13% населения, существовали 2 национальных сельсовета и 5 колхозов, 3 национальных сельсовета находились в Балаклавском районе и т.д. [165, л. 2-6; 166, л. 5, 7; 138, с. 65].

Так как иностранноподданные греки не имели права собственности на землю, многие сельские жители вынужденно стали заниматься мелкой торговлей и ремеслом. После сворачивания НЭПа эти люди были лишены избирательных прав, а, следовательно, возможности устроиться на какую-либо работу. Такими же «лишенцами» стали священнослужители, зажиточные крестьяне, а некоторые подверглись высылке и раскулачиванию, попали в концлагеря, например, К. Канаки, Е. Стериони, Ф. Панайотова, И. Папаникола и др. [138, с. 60-62].

В связи со свертыванием НЭПа и кампанией по коллективизации в греческих общинах Крыма наметилась тенденция уже к массовой эмиграции [167, л. 8-9, 17, 19-23]. Однако, из «самой свободной страны» уже не выпускали. Был ужесточен режим переписки с заграничными родственниками, корреспонденция перлюстрировалась. Чтобы преодолеть напряженность в обществе, вызванную безработицей, власти рекомендовали активизировать работу греческих обществ и комитетов взаимопомощи [168, л. 42, 138, 196-197; 169, л. 1-5, 39-40; 170, л. 20-21, 39, 43-52], а также промкооперацию [171, л. 1-47]. В начале 1930-х гг. в Никите и Феодосии работали артели греков-строителей, В. Македонский возглавлял в Карасубазаре артель «Труд-жесть», греки были башмачниками в артелях «Дружный труд» и «Рекорд». Особенно много греков были объединены в артелях пекарей и кондитеров: «Эрмис», «Фарос» и др. в Большой Ялте; «Багдад», «Урожай» и др. в Симферополе, «Омония», «Северное сияние» и др. в Севастополе, «Красный пекарь» в Керчи, «Кооператор» в Алуште, «Крымский мраморщик», «Путь к социализму» в Балаклаве и др. [172, л. 36-41, 43-49 об. и др.; 173, л. 51-60, 130-135, 136-141, 169-175, 215-221 об., 222-227 об.].

Несмотря на существование греческих клубов, духовная жизнь общины все же была связана с церковью. В Крыму существовало более 20 греческих приходов. Несколько раз власти пытались закрыть греческие церкви. В середине 1920-х гг. такие попытки не увенчались успехом, но в середине 1930-х гг. запуганное население уже подписывало ходатайства и требования о закрытии храмов. В 1930-1937 гг. многие греки-священнослужители и члены церковного совета были арестованы, храмы взорваны или переделаны в клубы, спортзалы, склады [144, с. 18-47]. Священник Ильинской церкви г. Евпатории Елеазар Спиридонов и его брат – бывший директор Центрмузея Тавриды, секретарь церковного совета греческой Свя-

то-Троицкой церкви в Симферополе Дмитрий Спиридонов были канонизированы Русской Православной церковью как новомученики [174, с. 416-443].

Процент иностранноподданных греков в Крыму оставался довольно высоким, это стало причиной сфабрикованных дел о шпионаже [175, с. 223-250]. Только в период 1937-1939 гг. более 600 греков, в т.ч. иностранноподданные, попали в тюрьмы, пятая часть была расстреляна. Подверглись репрессиям нарком пищепрома Крыма К.Х. Харлампида, руководители колхозов и сельсоветов Карафило А.К., Псом Х.М. и др., более 30 директоров школ и учителей: Бинат М.Н., Калояниди И.С., Симилиди Е.И., Грамматикопуло А.И., Пиперидис Ф.А., Метаксопуло Х.П., Илиади Н.И. и др. [176, с. 331-337].

Перепись 1939 г. показала значительное уменьшение числа греческого населения (до 20652 человек). Накануне Первой мировой войны греки проживали дисперсно в различных регионах полуострова, главным образом, в южной его части. Основу греческой общины в конце XVIII – начале XIX вв. составили греки, не уходившие в Приазовье вообще или вернувшиеся из Мариуполя, а также греки-волонтеры, прибывшие в Крым в 1775 г., а также в период 1787-1804 гг. Это были выходцы из Пелопоннеса, островов Ионийского и Эгейского морей, регионов Северной Греции. Позже к ним присоединились волонтеры из Одесского греческого батальона и Греческого легиона им. Николая Первого. Все они расселились в городах Крыма (особенно много – в Балаклаве, Керчи, Феодосии, Карасубазаре, Симферополе), а также в бывших христианских селах в Юго-Западном Крыму и на Южном берегу Крыма. Самые значительные их сельские поселения – Камара, Карань, Кады-Кой, Алсу, Аутка, Лаки. Именно в этой группе было наибольшее число греков-офицеров и чиновников, особо проявивших себя на службе. Многие получили дворянские титулы еще в XVIII вв. и оказали значительное влияние на формирование сословных организаций в Крыму, экономическое и духовное развитие населения полуострова.

Следует отметить, что репатриация греков из Мариуполя не закончилась и в начале XX в., однако эти переселения уже не были массовыми. Переезжали, в основном, ремесленники и купцы, в советский период в Крым устремились рабочие и крестьяне.

В XIX в. в Крым прибыли несколько групп мигрантов из Румелии – «греков-фракийцев», в основном, сельскохозяйственное население и ремесленники, которые осели главным образом в Восточном Крыму (Старый Крым, Феодосия, Керчь), а также в Ялте, и Симферополе. Поскольку переселялись в Крым они вместе с болгарями, зачастую и селились на полуострове в тесном соседстве с ними (с. Старый Крым, Кишлав и др.). Со временем некоторые из них ассимилировались. До сегодняшнего дня сохранилось лишь одно поселение, в котором проживают фракийцы – это с. Карачоль (ныне – Чернополье в Белогорском районе).

Однако самой значительной группой греков, прибывших в Крым в XIX – начале XX вв., были «понтийцы». Наиболее многочисленными были миграции 1858-1860-х гг., 1880-х и начала XX в. В основной своей массе это были земледельцы, ремесленники и купцы. Если для основания сельских поселений «фракийцы» облюбовали дорогу Симферополь–Феодосия, то «понтийцы» предпочли селиться в селах, окаймлявших дорогу Симферополь–Ялта. Особенно много понтийских греков осело в Ялте, Алуште, Симферополе, Старом Крыму, Феодосии и их окрестностях. Довольно большая часть мигрантов имела греческое или турецкое подданство. Это ограничило их в правах в Российской империи, но позволяло довольно легко пересекать границу и ездить по торговым делам, общаться с родственниками, тем более, что многие греки-иностранныподданные в Крым приезжали на заработки. Накопив денег, часть уезжала обратно, а часть предпочитала перевозить свои семьи и жить на полуострове. Особенностью этой группы было также то, что многие из прибывших в XX в. переселялись стихийно, были беженцами из Османской империи – людьми, пережившими войну, лишения, потери близких, имущества. Благодаря присутствию консульств в Крыму, многие смогли стать подданными Греческого королевства и получить официальные документы. Они старались поддерживать контакты со своими родственниками, т.к. во время эвакуации беженцев часть семей оказалась разъединенной: некоторые члены семьи могли оказаться в Крыму, а некоторые – в Закавказье, в Греции, в Османской империи.

По сравнению с группой греков средневекового периода, изменился ареал расселения греков «нового периода», что было обусловлено наличием свободных земель, временем прибытия, позицией властей по отношению к мигрантам. Более чем в два раза увеличилась доля городского населения в среде крымских греков. Изменились их традиционные занятия: основная масса горожан занималась мелкой торговлей и ремеслом (пекари, кондитеры, строители и др.); сельские жители, в основном, табаком, несколько меньше огородничеством, садоводством, виноградарством.

Если прежде в среде греков были эллинофоны – носители крымскорумейского языка и тюркофоны, говорившие на тюркском («урумском») языке, близком к крымскотатарскому, то в описываемый период ситуация несколько изменилась. Наряду с присутствием греков, говоривших на крымскорумейском и урумском языках, здесь появились носители говоров островной Греции, фракийского и понтийского диалектов новогреческого языка, которые также имели довольно много говоров. В связи с дисперсностью расселения греков, полиэтничностью не только городов, но и крымских сел, проживание даже в одном греческом селе носителей различных греческих диалектов – мариупольских греков, архипелажцев, понтийцев (например, Аутка), греки были вынуждены учить русский язык как язык межнационального общения. Следует отметить, что это привело к зна-

чительной языковой ассимиляции крымских греков-старожилов и архипелажцев. Прибывшие в более позднее время фракийцы и понтийцы, особенно сельское население, сохраняли родной язык, благодаря контактам с крымскими татарами не забывали турецкий и активно овладевали в Крыму русским.

Грекам Крыма понадобилось почти 150 лет, чтобы восстановить былую численность и даже увеличить ее – до 25000 человек. Пик численности греков на полуострове пришелся на 1918-1920 гг. Затем, с приходом Советской власти, начался процесс репатриации в Грецию и Османскую империю (в 1920-1922 гг., вторая волна – в 1927 г., третья, самая малочисленная – 1933-1935 гг.). Практически все греки Крыма, как русскоподданные, так и иностранноподданные, в советское время пережили ужасы гражданской войны, голод, НЭП, борьбу с религией, коллективизацию, бурный период национального строительства и период репрессий. Причем если в первые годы Советской власти многие греки отказывались переселяться в Грецию или Турцию, т.к. верили в идеалы революции и считали, что все экономические трудности, с которыми пришлось столкнуться, – временные, то уже в начале 1930-х гг. среди них начали появляться эмиграционные настроения, и не только у иностранноподданных. Экономическими мерами погасить их не удалось, греков остановили лишь репрессии.

С первых дней Великой Отечественной войны греки Крыма записывались добровольцами на фронт, вступали в истребительные батальоны, народное ополчение. Многие погибли на фронтах, дошли до конца войны лишь 600 крымских греков-военнослужащих. Иностранноподданные греки в силу своего статуса не подлежали мобилизации, однако принимали участие в движении сопротивления. Всего по данным Крымского штаба партизанского движения в отрядах состояло 133 грека. Цифра кажется небольшой, но если принять во внимание общее количество партизан в 1941-1943 гг. – около 4000, окажется, что греки оставляли около 3%, хотя их удельный вес во всем населении Крыма был 1,8% (1939 г.) [177, с. 3-12, 45; 178, с. 116; 179, с. 69-73].

Среди руководителей движения сопротивления были Н. Спаи из Карасубазара, Ф. Якустиди, Х. Чусси и С. Колианиди из Симферополя, Н. Тамарлы из Ялты и др. М. Македонский стал командиром Бахчисарайского отряда, который только за первый год оккупации провел свыше 50 крупных боевых операций. Затем он руководил одной из бригад, а с 1944 г. – Южным соединением партизанских отрядов. Партизаны собирали разведданные, распространяли листовки, проводили диверсии и боевые операции. 39 партизан-греков погибли, 22 пропали без вести. Карателями были расстреляны члены семей крымских партизан – Н. Спаи, И. Хрисандопуло, Г. Тактониди, и др., сожжены села Пайляры, Армутлук, Шах-Мурза и др., где компактно проживали греки, помогавшие партизанам. Древняя греческая деревня Лаки была уничтожена вместе с жителями [180, л. 9-10, 39-45.; 179, с. 69-73].

Многие патриоты участвовали в подпольных организациях: К. Попандопуло в Севастополе, Т. Попандопуло в Феодосии, М. Триандофилиди в Евпатории, Е. Манераки и братья Хрони в Керчи, В. Лукидис и Т. Василькиоти в Ялте, братья Чалухиди и С. Стилианиди в Карасубазаре, Х. Попандопуло в с. Ангара и др. В Симферополе с 1941 по 1944 гг. действовала группа под руководством С.Х. Колианиди, которая собирала информацию о дислокации и перемещениях противника, предупреждала партизан о готовящихся карательных акциях, распространяли листовки и т.д. Д. Попандопуло-Грамматикопуло была хозяйкой явочной квартиры симферопольских подпольщиков. В с. Кисек-Аратук работала греческая комсомольско-молодежная группа под руководством Н. Триандофилова и К. Апостолиди. За участие в движении сопротивления были расстреляны члены семей Апостолиди, Макриди, Чунгуровых и др. Более сотни греков были угнаны на принудительные работы в Германию [181, л. 12-26; 179, с. 69-73; полевые материалы автора (2001-2003 гг., проект филиала Греческого Фонда культуры, г. Одесса)].

Освобождение Крыма от фашистов греки восприняли с надеждой на лучшее. Молодые люди, достигшие призывного возраста, подверглись мобилизации, однако несколько месяцев спустя их семьи были выселены вместе со всеми остальными греками, армянами, болгарам как «пособники оккупантов». Инициировал это переселение Л. Берия, который в докладной записке И.В. Сталину от 29 мая 1944 г. Писал: «После выселения крымских татар в Крыму продолжается работа по выявлению и изъятию органами НКВД СССР антисоветского элемента, проческа и пр. На территории Крыма учтено проживающих в настоящее время болгар 12075 человек, греков – 14300, армян – 9919 человек. (...) Греческое население проживает в большинстве районов Крыма. Значительная часть греков, особенно в приморских городах, с приходом оккупантов занялась торговлей и мелкой промышленностью. Немецкие власти оказывали содействие грекам в торговле, транспортировке товаров и т.д. (...) НКВД считает целесообразным провести выселение с территории Крыма всех болгар, греков, армян» [приводится по: 178, с. 139-140]. Аргумент, приведенный Л. Берия, звучит более чем странно, если вспомнить, что ремесло и торговля для греков Крыма являлось основным занятием и источником существования не только в период оккупации, но и в XIX в. [123, табл. XXII, с. 192-197], и в период Советской власти, за что многие и пострадали после свертывания НЭПа.

Секретным постановлением Госкомитета обороны № 5984сс от 2 июня 1944 г. предписывалось: «1. Обязать НКВД СССР (тов. Берия) дополнительно к выселению по постановлению ГОКО № 5859сс от 11.V.1944 года крымских татар выселить с территории Крымской АССР 37000 человек немецких пособников из числа болгар, греков, армян. Выселение произвести в срок от 1 по 5 июля с.г. 2. Выселяемых из Крыма болгар, греков и армян направить

для расселения в сельском хозяйстве, в подсобных хозяйствах и на промышленных предприятиях областей и республик: Гурьевской области КССР – 7000 чел., Свердловской обл. – 10000, Молотовской обл. – 10000, Кемеровской обл. – 6000, Башкирской АССР – 4000 (...)» [приводится по: 178, с. 141].

Пока готовили это переселение, 15 июня 1944 г. Л. Берия обратил внимание Сталина на то, что «в Крыму выявлено 310 семей местных жителей турецкого, греческого и иранского подданства, имевших на руках просроченные турецкие, греческие и иранские паспорта. НКВД СССР считает нежелательным их оставление в Крыму и просит разрешить выселить их и направить в один из районов Узбекской ССР». 24 июня Сталин подписал Постановление ГКО № 6100сс: «Разрешить НКВД СССР выселить из Крыма местных жителей турецкого, греческого и иранского подданства, имеющих на руках просроченные национальные паспорта и направить их для проживания *на время войны* в один из районов Узбекской ССР» [182, с. 74-75].

Специальная операция НКВД по выселению крымских греков и представителей других национальностей прошла 26-27 июня 1944 г. Уже 4 июля Л. Берия докладывал, что выселение из Крыма спецпереселенцев закончено. Всего было переселено 225009 человек, в т.ч. 15040 греков. Иностранноподданные, переселенные по постановлению ГКО № 6100сс в количестве 3652 человек, были направлены для расселения в Ферганскую область Узбекской ССР [178, с. 147]. Поскольку среди этого числа 3531 являлись греческоподданными, общее количество выселенных из Крыма греков было 18571 человек. Хотя, надо отметить, что в более поздних документах встречается и другая цифра выселенных греков-советскоподданных – 16006 человек [178, с. 231]. Вероятно, цифра возросла за счет греков, высланных в депортацию уже после проведения спецоперации, поскольку, по данным УМВД Крымской области, в 1947-1948 гг. было выявлено 2012 человек из числа демобилизованных и вернувшихся из эвакуации, и направлены к местам спецпоселений [178, с. 199]. Кроме этого, к депортированным вскоре присоединились члены их семей, воевавшие на фронтах Великой Отечественной войны – 8 офицеров (кроме старших), 86 сержантов, 465 рядовых – всего 559 человек. Таким образом, общее количество греков Крыма, высланных на восток страны, составляет около 20000 человек [182, с. 75].

Переселенцы перенесли массу лишений во время переселения и обустройства на новом месте. По данным начальника отдела спецпоселений МВД СССР, в общей сложности было переселено 229832 человека – крымских татар, болгар, армян и греков, а на момент их переучета в 1948-1949 гг. крымчан было всего 185707, 44125 человек значились умершими [178, с. 203]. То есть 19% от всего количества – почти каждый пятый – умерли в первые пять лет после депортации.

К 1953 г. на спецпоселении находилось 14760 греков, из них 4444 мужчины, 6323 женщины, 3719 детей (т.е. среди «пособников оккупантов» женщины и

дети составляли 70%!), 33 человека числились в розыске, 241 был арестован. Высланные из Крыма греки оказались в различных республиках СССР. По состоянию на 1 января 1953 г., географию их расселения можно представить следующим образом: в Узбекской ССР находилось на спецпоселении 4097 человек: в Ташкентской обл. – 15, Самаркандской – 25, Ферганской – 3945, Андижанской – 16, Кашкадарьинской – 39, Бухарской – 2, Каракалпакской АССР – 55 человек; в РСФСР – 9253 чел.: в Молотовской (Пермской) обл. – 2268, Свердловской – 3414, Марийской АССР – 128, Кемеровской – 1334, Башкирской АССР – 1967, Тульской – 5, Костромской – 1, Московской – 2, Куйбышевской – 1, Кировской – 4, на Дальнем Севере – 5, Татарской АССР – 32, Красноярском крае – 8, Якутской АССР – 10, Иркутской обл. – 23, Хабаровском крае – 12, Тюменской – 5, Томской – 7, Коми АССР – 4, Удмуртской АССР – 1, Сахалинской обл. – 3 чел.; в Казахстане – 1240 чел.: в Гурьевской обл. – 1040, Алма-Атинской – 128, Южно-Казахстанской – 9, Джамбульской – 20, Талды-Курганской – 8, Кызыл-Ордынской – 6, Кустанайской – 24, Актюбинской – 1, Кокчетавской – 1, Северо-Казахстанской – 3 чел.; в Киргизии – 16 чел.: во Фрунзенской обл. – 4, Ошской – 2, Иссык-Кульской – 6, Таласской – 4; в Таджикистане – 153 чел.; в Карело-Финской АССР – 1 чел. [183, с. 79-80].

Режим спецпоселений, а также правовое положение насильственно выселенных армян, болгар, греков и крымских татар определялся постановлением СНК СССР от 8 января 1945 г. № 35 «О правовом статусе спецпоселенцев». Одновременно с ним было утверждено и «Положение о спецкомендатурах НКВД». 26 ноября 1948 г. были приняты Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы СССР в период Великой Отечественной войны», а также постановление Совета Министров СССР «О выселенцах» [178, с. 174-176, 196-197, 199]. Греки начали писать обращения в высшие органы власти и управления с просьбой разъяснить ситуацию с их выселением, освободить из спецпоселений. До начала 1950-х гг. все эти письма оставались без ответа. Проекты по освобождению спецпоселенцев стали возникать вскоре после смерти И.В. Сталина, причем составляли их те, кто непосредственно организовывал высылку. Весной 1953 г. Л.П. Берия и С.Н. Круглов планировали к августу освободить свыше 1,7 млн. человек, в том числе 60 тысяч спецпоселенцев из Крыма – детей до 16 лет, женщин различных национальностей, высланных за сожительство с оккупантами и др. Однако этот проект не был реализован. В сентябре 1953 г. в МВД СССР были составлены и предоставлены в ЦК КПСС и Совет Министров СССР предложения по освобождению ряда категорий спецпоселенцев, в том числе из Крыма. Эти предложения ЦК КПСС рассмотрел лишь в апреле 1954 г., но не торопился их реализовывать [182, с. 76-77].

В связи с предполагаемым освобождением некоторых категорий граждан, депортированных из Крыма, начальник Управления МВД Крымской области полковник Рыжиков обратился со специальной секретной докладной запиской к руководству области, где объяснял сам факт выселения греков Крыма по национальному признаку и сложившуюся на тот момент ситуацию. «Из разъяснения б. 9 Управления МГБ СССР, полученного нами в 1951 г., стало известно, что постановлением ГОКО № 5859 с территории Крымской области подлежали выселению на постоянное жительство в Узбекистан все крымские татары. Что же касается выселения болгар, греков и армян, то из этих национальностей по постановлению ГОКО № 5984 подлежали выселению с территории Крыма только немецкие пособники с направлением их для расселения в Гурьевской, Свердловской, Молотовской, Кемеровской областях и Башкирской АССР.

Однако, в связи с военной обстановкой и невозможностью в короткий срок проверить их деятельность на оккупированной территории, в 1944 г. были выселены все болгары, греки и армяне».

До 1951 г. ходатайства спецпоселенцев из числа армян, болгар и греков об освобождении со спецпоселения, как правило, не удовлетворялись.

Таким образом, в 1944 г. полуостров были вынуждены покинуть все греки, задекларировавшие в паспорте свою национальную принадлежность, а также члены их семей. В Крыму остались греки, «записанные» как русские и украинцы, а также некоторые гречанки, которые были замужем за славянами, доказавшими свою «благонадежность». Известно также, что на 1 января 1945 г. в Старокрымском р-не проживало 45 греков, в Белогорском – 79 и т.д. Однако, в переписи населения 1949 г. греки в Крыму не значились вообще [184, л. 1-4; 185, л. 1-7; 178, с. 154].

Учитывая факт депортации и клеймо «пособников немецких оккупантов», оставшееся в Крыму греческое население старалось не афишировать своей национальности и не говорить на родном языке. Власти старались сделать все, чтобы на полуострове забыли о «депортированных». Одним из таких мероприятий стало изменение исторически сложившейся топонимики. На бюро Крымского областного комитета ВКП(б) от 16 августа 1944 г. было принято решение о переименовании 995 населенных пунктов. С карты полуострова исчезли 911 татарских названий, 34 греческих, 46 немецких, 1 болгарское, 3 армянских [178, с. 157].

Так, очередным выселением, теперь уже насильственным, закончилась история общины греков Крыма, проживавших на полуострове в период позднего средневековья и нового времени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. Араджиони М.А. Греки Крыма и Приазовья: история изучения и историография этнической истории и культуры (80-е гг. XVIII – 90-е гг. XX вв.). Симферополь, 1999.

2. *Айбабин А.И., Герцен А.Г., Храпунов И.Н.* Основные проблемы этнической истории Крыма // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
3. *Бертъе-Делагард А.Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. Симферополь, 1920. Вып. 57.
4. *Якобсон А.Л.* Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // АДСВ. Свердловск, 1973. Вып. 10.
5. *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
6. *Vasiliiev A.A.* The Goths in the Crimea. Cambridge, 1936.
7. *Герцен А.Г.* Крымские татары // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. Симферополь, 2004.
8. *Антонин арх.* Заметки XII-XV вв., относящиеся к крымскому городу Сугдее, приписанные на греческом Синаксаре // ЗООИД. 1866. Т. 5.
9. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты. СПб., 1887.
10. *Крамаровский М.Г.* Джучиды и Крым: XIII-XV вв. // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
11. *Байер Х.-Ф.* История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001.
12. Сказки и легенды татар Крыма. Симферополь, 1936.
13. *Весела З.* К вопросу о положении христианской церкви в османском государстве // Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990.
14. *Лутаверин Г.Г.* Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976.
15. *Ανδρεάδης Χ.* Σύνθετα και παράγωγα του ονόματος 'Ελλην/ 'Ελλενος στα ποντιακά δημοτικά τραγούδια // Αρχειον Πόντου. Αθήνα, 1984. Т. 38.
16. *Veinstein G.* From the Italians to the Ottomans: The Case of the Northern Black Sea Coast in the Sixteenth Century // Mediterranean Historical Review. Vol.1 (December). 1986. N. 2.
17. *Fisher A.* The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century // Harvard Ukrainian Studies. 1981. № 5.
18. *Ефимов А.* Из Османской налоговой ведомости. XVII в.: публикация документа // Греки в истории Крыма: краткий биографический справочник. Симферополь, 2000.
19. *Галенко А.И.* Виноделие в османском Крыму // Дионис-Вахх-Бахус в культуре народов мира. Симферополь, 2002. Вып. 1.
20. *Бахревский Е.В.* Языковая ситуация в Крыму в середине XVII в.: автореф. дисс. ... канд. филологич. наук. М., 2000.
21. *Хартахай Ф.А.* Историческая судьба крымских татар // Вестник Европы. 1867. Июнь.
22. *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896.
23. *Араджиони М.А.* К вопросу об этнолингвистической ситуации в Горном Крыму в XVI-XVIII вв. (по материалам исследований говоров приазовских греков) // Записки Историко-филологического товарищества Андрія Білецького. Київ, 1998. Вип. 2.
24. *Лашков Ф.Ф.* Сельская община в Крымском ханстве. Симферополь, 1887.
25. *Маркевич А.И.* К вопросу о положении христиан в Крыму во время татарского владычества // Таврический церковно-общественный вестник. 1910. № 11.
26. *Галенко О.І., Чернухін Є.К.* Імена і прізвиська за матеріалами поминальників православних парафій греків Криму першої половини XVIII ст. // Записки Историко-филологического товарищества Андрія Білецького. Київ, 1997. Вип. 1.
27. *Гаркавецъ О.* Уруми Надазов'я // Східний Світ. 1993. № 2.
28. Греческие молитвы, заклинания и заговоры из Большой Каракубы / Сост. Е. Чернухин. Донецк, 2005.
29. *Корелов И.А.* Иноязычные греки (урумы) на территории Грузии // Известия АН ГССР. Серия истории искусства. Тбилиси, 1990. № 2.
30. *Аглаев А.Р.* Этноязыковая ситуация и некоторые особенности этнического самосознания грузинских греков (по материалам исследований в Цалкском районе Грузинской ССР) // Советская этнография. 1988. № 5.

31. Бахревский Е.В. Правовое положение немусульман (греков) в Крыму в XVI-XVII вв. // Украина–Греция: історія та сучасність. Тези 2-ї міжнародної наукової конференції (м. Київ, 22-24 лютого 1995 р.). Київ, 2005.
32. Араджиони М.А. К вопросу об этнокультурных особенностях позднесредневекового христианского населения Горного Крыма // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
33. Греки России и Украины. СПб., 2004.
34. Возгрин В., Бекиров Н. Коренные народы и депортированные национальные меньшинства Крыма: происхождение и исторические судьбы // Altin Besik. Коренные народы: ситуация в Крыму и международный опыт. Специальный выпуск к слушаниям в ВР Украины. Симферополь, 2000. № 6/1.
35. Абдуллаев И. Крымские «стяжатели» // Голос Крыма. 2001. № 32.
36. Сеитбекиров А. Ненасытная, ты все еще просишь? // Голос Крыма. 2001. № 32.
37. Белялов Р., Асанин И. «Мы остановим беззаконие» // Голос Крыма. 2001. № 32.
38. Зинченко Ю.И. Межнациональные отношения в Крыму на современном этапе // Исторический опыт межэтнического и межконфессионального согласия в Крыму. Симферополь, 1999.
39. Из наследия А.Л. Бертье-Делагарда // Крымский музей. Симферополь, 1995.
40. Карта греческих поселений Крыма // Араджиони М.А., Лазариди О.А. В Крымском доме. Часть 3. Греки. Иллюстрированный альбом историко-этнографических материалов для крымских школьников и их учителей. Симферополь, 2000.
41. Араджиони М.А. О взаимоотношениях христианского и мусульманского населения полуострова в период Крымского ханства // V сходознавчі читання А. Кримського: Тези доповідей міжнародної наукової конференції (м. Київ, 10-12 жовтня 2001 р.). Київ, 2001.
42. Тиктопуло Я. Мираж Царьграда // Родина. 1991. № 11-12.
43. Присоединение Крыма к России. Сборник документов. СПб., 1885. Т. 2.
44. Гедьо А.В. Джерела з історії греків Північного Приазов'я (кінець XVIII – початок ХХ ст.). Київ, 2001.
45. Отин Е.С. Топонимия приазовских греков. Историко-этимологический словарь географических названий. Донецк, 2002.
46. Лашков Ф.Ф. Камеральное описание Крыма 1784 г. // ИТУАК. Симферополь, 1888. Вып. 6.
47. Дионисий, архим. Панагия или Успенский Бахчисарайский скит в Крыму. Симферополь, 1870.
48. Томилов. Топографическое описание... // ЗООИД. 1868. Т. 7.
49. Институт рукописи и старопечатных книг Национальной библиотеки Украины, ф. Х, д. 14773.
50. ГААРК, ф. 343, оп. 1, д. 39.
51. Госархив Донецкой области, ф. Р-678, оп. 1, д. 35.
52. Арш Г.Л. Греческая эмиграция в Россию конце XVIII – начале XIX вв. // Советская этнография. 1967. № 3.
53. У-ц А. [Уманец А.] Воспоминания крымского ветерана о Суворове и некоторых обстоятельствах того времени // Отечественные записки. 1847. Т. 52. № 5-6.
54. У.А. О заселении Крыма новыми поселенцами // Русский вестник. 1866. Т. 63. № 5.
55. По поводу одной старой рукописи // Русская старина. 1915. Т. 163.
56. Рабби-Азарья, сын Илии. События, случившиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирей хана // Вестник Общества истории и древностей Российских. 1856. Кн. 24.
57. Сафонов С. Остатки греческих легионов в России или Нынешнее население Балаклавы // ЗООИД. 1844. Т. 1.
58. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге, ф. 13, оп. 1, д. 487.
59. Быковская Н.В. История формирования греческой общины Керчь-Еникальского градоначальства (конец XVIII – начало XIX вв.) // Украина–Греция: Історія та сучасність. Тези міжнародної наукової конференції (Київ, 29-30 вересня 1993). Київ, 1993.
60. Теохаріді Т.Ю. Грецька військова колонізація на Півдні України наприкінці XIII – початку XIX ст. // Вісник Одеської комісії краєзнавства при Українській Академії наук. 1930. Ч. 4-5. Секція для вивчення грецької нацменшості.

61. Сапожников И.В., Белоусова Л.Г. Греки под Одессой. Одесса; Ильичевск, 1999.
62. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 3356.
63. Гуркович В.Н., Кожекин А.Г. Участие греков в Крымской войне 1853-1856 гг. // Греки в истории Крыма: краткий биографический справочник. Симферополь, 2000.
64. Греки в истории Крыма: краткий биографический справочник. Симферополь, 2000.
65. ГААРК, ф. 799, оп. 3, д. 8.
66. ГААРК, ф. 802, оп. 1, д. 10.
67. Саенко Р.И. Ревизские сказки г. Мариуполя // Україна–Греція: історія та сучасність: тези конференції. Київ, 1993.
68. Государственный архив Донецкой области, ф. 131, оп. 1, д. 72.
69. ГААРК, ф. 67, оп. 1, д. 8.
70. ГААРК, ф. 67, оп. 1, д. 56.
71. ГААРК, ф. 169, оп. 1, д. 34.
72. ГААРК, ф. 799, оп. 1, д. 147.
73. Якубова Л.Д. Маріупольські греки (Етнічна історія. 1778 р. – початок 30-х рр. ХХ ст.). Київ, 1999.
74. Гермоген. Таврическая епархия. Симферополь, 1886.
75. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге, ф. 383, оп. 29, д. 263.
76. Мариуполь и его окрестности. Мариуполь, 1892.
77. ГААРК, ф. 343, оп. 1, д. 51.
78. ГААРК, ф. 343, оп. 1, д. 35.
79. Секиринский С.А. К вопросу о заселении Крыма в конце XVIII в. // Известия Крымского пед. ин-та. Симферополь, 1957. Т. 23.
80. ГААРК, ф. 49, оп. 1, д. 6849. Алфавитный список дворян Таврической губернии.
81. Пряхин Ю.Д. Греческое население Феодосии (конец XVIII – XIX вв.) // Україна–Греція: історія та сучасність. Тези 2-ї Міжнародної наукової конференції (м. Київ, 22-24 лютого 1995 р.). Київ, 2005.
82. Абдуллаєва М.А. Духовно-релігійне життя греків Криму наприкінці XVIII – на початку XIX ст. Київ, 2000.
83. Абдуллаєва М.А. Священники парафій греків Криму наприкінці XVIII – на початку XIX ст. // Підприємці й меценати: грецькі підприємці та громадські діячі в Україні XVII – на початку XIX ст. Історико-біографічні нариси. Київ, 2001.
84. ГААРК, ф. 100, оп. 1, д. 89.
85. ГААРК, ф. 100, оп. 1, д. 489.
86. Греки // Агеева Р.А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы. Словарь-справочник. М., 2000.
87. Иванова Ю.В. Культурная общность – понтийцы // Понтийские греки. *Studia Pontocausasica*. Вып. 3. Краснодар, 1997.
88. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 3052.
89. Государственный архив Одесской области, ф. 1, оп. 219, д. 3.
90. Пряхин Ю.Д. Об истории образования и становления греческого поселения Балта-Чокрак в Крыму в начале XIX в. // Україна–Греція: досвід дружніх зв'язків та перспективи співробітництва. Маріуполь, 1996.
91. Ромеи – греки Понта. Краткое рассмотрение замалчиваемой проблемы. Афины, 1997.
92. Кожекин А.Г., Дёйнека Л.И. Греческое население Крыма в 1861-1917 гг. // Греки в истории Крыма: краткий биографический справочник. Симферополь, 2000.
93. Державин Н.С. Болгарские колонии Новороссийского края. Симферополь, 1908.
94. ГААРК, ф. 67, оп. 1, д. 42.
95. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге, ф. 383, оп. 24, д. 37630.
96. Носкова И. Крымские болгары в XIX – начале XX вв.: история и культура. Симферополь, 2002.

97. *Акритас П.Г.* Греки Кавказа // Народы Кавказа. М., 1962. Т. 2.
98. *Арш Г.Л.* Этеристское движение в России. М., 1970.
99. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 6006.
100. ГААРК, ф. 67, оп. 1, д. 537.
101. *Георгиева И.* Нестинарство в Крыму (рукопись в печати).
102. Государственный архив Одесской области, ф. 5, оп. 1, д. 216.
103. Российский государственный архив в Санкт-Петербурге, ф. 383, оп. 20, д. 27733.
104. *Золотарев Д.Ю.* Некоторые материалы ЦГА Крыма как источник по истории формирования греческой диаспоры в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. // Україна–Греція: історія та сучасність. Тези 2-ї міжнародної наукової конференції (м. Київ, 22-24 лютого 1995 р.). Київ, 2005.
105. ГААРК, ф. 512, оп. 1, д. 5.
106. *Быковская Н.В.* Благотворительная деятельность греческой общины Керчь-Еникальскаго градоначальства во второй половине XIX – начале XX вв. // Україна–Греція: історія та сучасність. Тези 2-ї міжнародної наукової конференції (м. Київ, 22-24 лютого 1995 р.). Київ, 2005.
107. ГААРК, ф. 59, оп. 1, д. 584.
108. ГААРК, ф. 63, оп. 1, д. 329а.
109. ГААРК, ф. 59, оп. 1, д. 1032.
110. ГААРК, ф. 59, оп. 1, д. 178.
111. ГААРК, ф. 59, оп. 1, д. 189.
112. ГААРК, ф. 59, оп. 1, д. 1461.
113. ГААРК, ф. 59, оп. 1, д. 1582.
114. ГААРК, ф. 59, оп. 1, д. 3329.
115. ГААРК, ф. 59, оп. 1, д. 4504.
116. ГААРК, ф. 59, оп. 1, д. 4581.
117. Греки Крыма в XVIII – начале XXI вв. Историко-этнографическая выставка. Путеводитель. Симферополь, 2004.
118. Картины России и быт разноплеменных ее народов из путешествий П.П. Свиньина. СПб., 1839. Ч. 1.
119. ГААРК, ф. 63, оп. 1, д. 276.
120. *Быковская Н., Санжаровец В.* Керченский табачный фабрикант Константин Месаксуди // Підприємці й меценати: грецькі підприємці та громадські діячі в Україні XVII-XIX ст. Київ, 2001.
121. *Янници Ф.* Греческий мир в конце XVIII – начале XX вв. по российским источникам. СПб., 2005.
122. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге, ф. 383, оп. 23, д. 35674.
123. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 41: Таврическая губерния. СПб., 1904.
124. Административно-территориальные образования в Крыму (1783-1998). Симферополь, 1999.
125. *Бойко Я.В., Прусис Ф.* Размещение греков в Украине и в России в конце XIX в. // Україна–Греція: історія та сучасність. Тези 1-ї міжнародної наукової конференції (м. Київ, 29-30 вересня 1993 р.). Київ, 2003.
126. *Кондараки В.Х.* Универсальное описание Крыма. СПб., 1875. Ч. 8.
127. *Ялі С.* Греки в УРСР. Київ, 1932.
128. *Зарубин В.Г.* Годы революции и гражданской войны // Греки в истории Крыма: краткий биографический справочник. Симферополь, 2000.
129. *Θεοδωρίδου-Λιάσκα Α.Γ.* Ημερολόγιον Πολέμων (1917-1941) του αξιωματικού Γεωργίου Μ. Θεοδωρίδη. Αθήνα, 2002.
130. ГААРК, ф. Р-1202, оп. 2, д. 2.

131. ГААРК, ф. Р-1025, оп. 1, д. 18.
132. ГААРК, ф. Р-1025, оп. 1, д. 187.
133. ГААРК, ф. Р-1025, оп. 1, д. 230.
134. ГААРК, ф. Р-1025, оп. 1, д. 229.
135. ГААРК, ф. Р-1025, оп. 1, д. 231.
136. ГААРК, ф. Р-1202, оп. 3, д. 133.
137. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 205.
138. *Кравцова Л.П.* Греческое население Крыма в 1921-1941 гг. Участие в хозяйственном и культурном строительстве // Греки в истории Крыма: Краткий биографический справочник. Симферополь, 2000.
139. ГААРК, ф. Р-1025, оп. 1, д. 196.
140. *Господаренко Н.М.* Особенности культурно-политической работы среди национальных меньшинств Крыма в 1920-е гг. // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 1999. № 10.
141. ГААРК, ф. П-83, оп. 1, д. 41.
142. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 698.
143. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 702.
144. *Абдуллаева М.А.* Грецькі громади Криму у 1917-1938 рр. Київ, 2001.
145. *Катунин Ю.А.* Греческая православная церковь Крыма (1922-1928) // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 1998. № 5.
146. ГААРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 1301.
147. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 561.
148. ГААРК, ф. Р-3469, оп. 1, д. 2.
149. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 698.
150. ГААРК, ф. Р-1119, оп. 2, д. 64.
151. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 821.
152. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 547.
153. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 828.
154. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины, ф. 413, оп. 1, д. 100.
155. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины, ф. 413, оп. 1, д. 351.
156. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины, ф. 413, оп. 1, д. 383.
157. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины, ф. 413, оп. 1, д. 461.
158. *Соколов И.И.* Об определении национальной принадлежности греков СССР // Революция и национальности. М., 1936. № 8.
159. *Спірідонов Д.С.* Историчний інтерес вивчення говірок мариупольських греків // Східний світ. Харків, 1930. Т.12 (3).
160. *Соколов И.И.* О языке греков Мариупольского и Сталинского округов // Язык и литература. 1930. Т.6.
161. *Сергиевский М.В.* Мариупольские греческие говоры // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. Л., 1934.
162. *Костан К.* З літератури мариупольських греків. Харків, 1932.
163. *Улуян Ар.* Полемика по проблемам языка советских греков в межвоенный период в СССР // Etudes Balkaniques. 1991. № 2.
164. *Власіс А.* Мовні проблеми в грецьких общинах колишнього Радянського Союзу (1917-1938 рр.) // Україна-Греція: досвід дружніх зв'язків та перспективи співробітництва. Маріуполь, 1996.
165. ГААРК, ф. П-101, оп. 1, д. 27.
166. ГААРК, ф. П-113, оп. 1, д. 39.

167. ГААРК, ф. П-1, оп. 1, д. 918.
168. ГААРК, ф. Р-3469, оп. 1, д. 1.
169. ГААРК, ф. Р-3469, оп. 1, д. 4.
170. ГААРК, ф. Р-3469, оп. 1, д. 9.
171. ГААРК, ф. Р-103, оп. 2, д. 30.
172. ГААРК, ф. Р-1119, оп. 2, д. 3.
173. ГААРК, ф. Р-1119, оп. 2, д. 4.
174. Священник Елеазар и Дмитрий Спиридоновы // Доненко Н. Наследники царства. Симферополь, 2000.
175. Судьба греческой общины // Доненко Н. Новомученики Феодосии. Феодосия; М., 2005.
176. *Шевцова Н.Н.* Репрессии против греков Крыма накануне и в годы Великой Отечественной войны // Проблемы интеграції кримських релатріантів в українське суспільство. Київ, 2004.
177. *Шамко Е.Н.* Дорогами крымских партизан. Симферополь, 1976.
178. Депортовані кримські татари, болгары, вірмени, греки, німці. Документи. Факти. Свідчення (1917-1991). Київ, 2004.
179. *Брошеван В.М.* Участие греков в партизанском и подпольном движении в Крыму в 1941-1944 гг. // Греки в истории Крыма: краткий биографический справочник. Симферополь, 2000.
180. ГААРК, ф. 151, оп. 1, д. 580.
181. ГААРК, ф. П-156, оп. 1, д. 62.
182. *Зарубин В.Г.* Депортация крымских греков (1944-1956 гг.) // Греки в истории Крыма: краткий биографический справочник. Симферополь, 2000.
183. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы из Крыма (1944-1956 гг.) // Крымский музей. 1994. № 1.
184. ГААРК, ф. П-113, оп. 1, д. 63.
185. ГААРК, ф. П-135, оп. 1, д. 157.

Aradjiioni M. A.

The Greeks of Crimea: on the History of the Formation of Community in the Period of Late Middle Ages – Modern Times

Summary

The problem of ethno-genesis of the Crimean Greeks in the medieval period, peculiarities of their ethnic history, language and culture are examined in this article. In 1778-1780 they were removed to the northern coast of the Sea of Azov, where they got the name of «Mariupol Greeks». Descendants of those re-settlers – more than 70,000 people live nowadays in the south of Donetsk region, Ukraine.

Despite mass resettling of Christians in 1778, Greek community of Crimea did not cease to exist. The Greeks, old residents from the Azov region, re-settlers from different Greek islands and regions of Thracia and Pontus took part in the formation of Greek population of the peninsula.

Mass migration of the Greeks to the Crimea at the end of the 18th – the beginning of the 20th century, their traditional occupation, contribution to economic, social and cultural development of the peninsula are examined in the article. Such aspects as participation of then Greeks in «socialist building», resistance to fascists and the problem of their deportation in 1944 are also touched.